

Олег Митрофанов

МАЛЕНЬКАЯ САГА
или
ГЕРОИНЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Дорогая Аля!

Посвящаю тебе мои воспоминания и делаю оговорку, что рождались они сначала как двухстраничное эссе, потом небольшой рассказ, потом нечто более развернутое, а в итоге превратились в незаконченную маленькую сагу.

Данное произведение - лишь часть моих таинственных жизненных опытов, сути которых я так и не понял.

Худо оно или не очень - вопрос второй. Оно, во всяком случае, искренно и настолько, насколько это возможно, правдиво.

Я, право, не знаю, что ждет нас впереди. Но отношение мое к тебе и к твоей маме ты знаешь. Оно не нуждается в лишней демонстрации.

Вместе с тем, опыт подсказывает мне, что куда более достойные люди (и авторы), чем я, искали в сочинительстве и мемуарах красивый уход от жизни с ее проблемами. Ведь гораздо легче персонажу, обуреваемому сильными чувствами, прожить пятьдесят лет на бумаге, чем человеку из плоти и крови - месяц в реальной жизни.

Вот почему этот литературный опыт - с одной стороны, намек на какой-то роман, который, вероятно, так никогда и не будет написан; с другой - уход от реальных и безнадежных проблем.

Я хочу, чтобы ты знала: никакого иносказания искать не надо. Все, что описано здесь, так и было. И если что-то не состыковывается, или туманно, или нелогично - то в этом нет умысла, а есть лишь недостаток моего понимания.

Спешу сказать еще раз, что перед тобой - не законченное сочинение, а его модель. Некоторые важные сцены, действия и персонажи намечены лишь пунктиром. Многие искусственно притянуто одно к другому. Нужно значительно больше времени, кропотливости и напряжения, чтобы все вспомнить и изложить поступательно, в необходимом ритме и с необходимыми подробностями.

А еще... Еще - вернемся к началу. На всех этих страницах я говорю о своей любви к тебе. С помощью них я молчу о ней. Я надеюсь, что ты прочтешь мое неритмичное повествование до конца, не откладывая его на месяцы, и своим чутким, теплым сердцем почувствуешь между строк то, что я хотел, но так и не смог выразить.

Твой ОТЕЦ

Март 1999 г.

Друзья мои!

Пожалуйста, не ищите здесь жизненной правды, Эзопова языка, сходства характеров и ситуаций. Их нет.

Есть лишь ЧИСТЫЙ ВЫМЫСЕЛ.

Это, действительно, так.

Ваш - И.М. («Звездочет»)

А. М., с уважением.

В те доисторические времена, когда дети могли самостоятельно гулять на улице и ходить в школу поодиночке, парочками, держась за руки, либо выйти на минутку, подождать ухода родителей и вернуться домой лоботрясничать, а жизнь казалась простой, понятной и совсем не удивительной - вот в те-то доисторические времена начинается наш рассказ.

Жила-была девочка Маша, половину своего дня проводившая с лентой в волосах и в коричневой школьной форме за партой, а вторую со странным упрямством посвящавшая дрессировке аквариумных рыб. Под вечер, загнав рыб спать и кое-как сделав уроки, Маша уходила на балкон и смотрела на небо. Это ее увлечение звездами не было известно никому. Школьные подруги, приходя к Маше в гости, с интересом наблюдали, как рыбы в аквариуме выстраиваются волнистыми рядами перед что-то наговаривающей Машей, а потом по очереди, как истинные леди и джентльмены, берут из рук корм, уступая друг другу; выпрыгивают, будто дельфины, из воды, прорывая мыльный пузырь за секунду до того, как он коснется аквариума. У Маши, очевидно, имелся магический дар внушения существам, совершенно не поддающимся ему, и чудеса ее рыбы могли продемонстрировать множество. Знание правил хорошего тона не мешало рыбам время от времени съедать друг друга или народившихся мальков. Когда это случалось в присутствии гостей, Маша строго пеняла рыбам, отчего те понуро уплывали в лабиринты водорослей и стыдливо выглядывали оттуда весь вечер. Запоздалое раскаяние преступников, только что пожравших своих ближних, доставляло Машиным подругам особое удовольствие.

Но темнело, рыбы и подруги отправлялись по домам спать, и никому, никому невдомек было, что половину ясной пятигорской ночи Маша с балкона созерцает другой аквариум. Черный, с рассыпанными архипелагами, блуждающими рыбами планет и спутников, таинственной туманностью Андромеды... Найдя на чердаке в макулатуре старый учебник астрономии, Маша вырезала вклеенную в него карту неба, примерила к виду со своего балкона и точно знала, когда какая звезда выйдет из-за дома напротив.

Однажды мальчик Иннокентий посреди ночи был разбужен странным звуком, доносившимся с улицы. Окно было открыто, стоял погожий сентябрь, и отчетливо-

безобманно возникал в тишине кавказских отрогов округлый, ровный и заполняющий весь воздух низкий тон кларнета. Дом Иннокентия стоял среди сосен у подножия горы. Рядом находился еще один дом - старый, двухэтажный, он как бы навис над небольшим оврагом.

От него через овраг к дому Иннокентия шел шаткий висячий мостик. Именно от этого мостика, показалось Иннокентию, исходил теплый, густой и какой-то неземной звук.

Надо сказать, что по странному стечению обстоятельств Иннокентий никогда не ходил по мостику. Некоторые причины давали ему повод время от времени затаиваться на дне оврага. В отсутствие этих причин на той стороне, у горы, делать было нечего. А еще - так, честно говоря, за тем домиком закрепилась странная слава - будто бы он стоит тут со времен Лермонтова, именно здесь произошло событие, повлекшее за собой дуэль, и никто не может поручиться, что мостик и сам дом не заколдованы. Во всяком случае, так говорила прабабушка Иннокентия, дожившая до 113 лет и при очевидном бытовом маразме сохранившая кристальную ясность воспоминаний о середине прошлого века.

Крадясь по дну оврага, Иннокентий всякий раз с любопытством рассматривал мостик снизу и удивлялся, почему сильно прогнувшиеся тонкие жерди не вылетают из своих гнезд. Со сладким ужасом Иннокентий ждал, что это произойдет вот-вот, сейчас, когда он сидит под мостом, если кто-то пойдет по нему. Мост начинал раскачиваться, по брусьям слышался перестук копыт, скрип двухколесной телеги, раздавалось щелканье бича. Мост выдерживал, успокаивался, вновь начинал лишь слегка постанывать от слабого упорного ветерка. Вылезая на свою сторону оврага, Иннокентий забывал удивляться, откуда взялась телега.

Или зимой, под Новый год, выглянув в окно, Иннокентий видел, что мост стал как бы и не висячим, а наоборот - горбатым, обледеневшим, и по нему можно кататься на коньках.

Но звук от моста продолжал идти. Один тон сменился другим, меньшей длительности. Потом две короткие ноты обрамили звуковую картинку, и опять воцарился тихий, сильный главный тон. Подивившись и ощутив острый прилив сонливости, Иннокентий поднял глаза к дому напротив. На балконе ему почудился мужчина в эполетах и исчезающая в полутьме светлая женская фигура. Мужчина развернулся к оврагу, совсем заслонив белое мерцание женщины, протянул на уровне глаз руку с продолговатым предметом, но не успел закончить движение. В овраге хрустнула ветка, вспыхнула и прокатилась по небу стремительная метеоритная стрела, мужчина исчез, звук кларнета прекратился.

Очнувшийся Иннокентий разглядел в соседнем с балконом окне маленькую фигурку девочки из параллельного класса.

Он не был знаком с этой девочкой. Но она ему нравилась. Сам себе не признаваясь, именно ее он поджидал, регулярно сидя под мостом, чтобы подсмотреть ее ноги, постоянно спрятанные под старомодно-длинным школьным платьем. Но плотно пригнанные кругляши еще более целомудренно, чем платье, скрывали от нескромных глаз то, чего им видеть не было дозволено, и Иннокентию оставалось довольствоваться стуком каблучков по этим кругляшам. Впрочем, мальчишке, наделенному живым воображением, не составляло труда из этих звуков

создать всю желанную картину. Завидев девочку на углу своего дома, он прятался в овраге, надеясь, что мост сломается и девочка упадет к нему в объятия. Этого не происходило. Вместо каблучков по мосту шли какие-то лошади, и ехали какие-то экипажи...

Будучи воспитанным в странных традициях прошлого века, Иннокентий не мог сам представиться девочке, хотя подглядывать за ней любил. Попросить общих знакомых-одноклассников – значило неминуемо быть поднятым на смех, ибо нравы в школе были вольные. В пятом классе считалось хорошим тоном рассказывать в умывальниках романтические секреты с некими таинственными намеками на взрослые отношения. Девочка же, точно витая где-то в облаках, всякий раз стремилась мимо Иннокентия, улыбалась сквозь него подругам, мыслям или предметам, проходила над ним по мостику, и повторить ее путь казалось святотатством. Потому Иннокентий по мосту никогда не ходил.

Мост существовал всегда. По нему испокон веку ходила на прогулки в гору отдыхающая пятигорская публика. Прабабушка Иннокентия, Мария Степановна, петербургская дворянка, встретила на этом мостике свою любовь, свое счастье и оставила их здесь же - вместе с разбитым сердцем. Поэтому и осталась здесь сама. Дожив до 113 лет, Мария Степановна рассказывала пятилетнему правнуку, какие здесь стояли дома, какие ходили люди и ездили экипажи. Ее рассказы начинались в центре города, где были кипящие источники и стоял сгоревший впоследствии театр, заканчивались у моста, вновь начинались за мостом и уходили на вершины гор. Лишь одно воспоминание упрямо обходила Мария Степановна в своих рассказах...

Мария Степановна умерла на 114-м году жизни, когда Иннокентию было шесть. Она даже как будто и не умерла, а ушла из дому вечером в сторону санатория и пропала. Обряд похорон, прошедший вскорости после исчезновения старушки за воротами санаторной больницы, был исполнен благодати и спокойствия.

Через некоторое время мост чуть не обрушился.

Было это так. Ранней весной – морозы еще заставляли мост выгибаться вверх – сильные снегопад и ветер продавили одно из гнезд моста, он с треском, рассыпая сосульки и ледяной наст, рухнул вниз и устремился в овраг, разметав гранитное основание. Второе гнездо выдержало, но вместо моста люди получили лишь одну жердь, по которой и ходили некоторое время. Любопытное то было зрелище: нарядные отдыхающие, вооружившись длинными шестами, переходили овраг по скользкому бревну. Все три месяца, что мост существовал в таком виде, препятствие преподносилось приезжей публике как местная достопримечательность. Находились даже умники, предлагающие соорудить выше в горах другие преграды и создать специальный маршрут. Умников никто не послушал, а мост висел между небом и землей до схода весенних вод. Воды расшатали неплотное второе гнездо моста, вымыли из щелей гальку, песок, щебень, растительный мусор, скреплявшие дерево и гранит. Мост стал заметно проседать. Жители города рисковали остаться без какой-либо дороги в горы, а малочисленные обитатели стоящего по ту сторону дома оказывались отрезанными от внешнего мира.

В этом доме и жила Машина семья. Самой Маше тогда было пять лет, и судьба моста ее вряд ли очень интересовала. Родители работали в городе. Мать – Марина – служила художником-декоратором в местном драмтеатре, о котором еще будет речь,

и училась на заочном в московском архитектурном институте. Отец, Николай, мастер на все руки, мечтатель и потенциальный поэт, содержал багетную мастерскую в центре. Предприятие было довольно выгодным. Отдыхающие непременно хотели увезти с собой красиво обрамленные виды на себя и местные достопримечательности. Кроме этого, они могли рассчитывать в мастерской Николая на удовлетворение любой потребности и блажи. Например, починить ботинки или заправить примус. Проявить пленку или проконсультироваться о месте гнездовья горных орлов. А самое главное – принеся камешек с гор – а в горах, как известно, камней много – они получали его в виде отполированной, отшлифованной, надетой на подставку пейзажной яшмы, сердоликового медальона, гранатовых заготовок к серьгам или перстню.

Николай имел настоящий вкус к камням, который продвигал маленький семейный бизнес лучше любой рекламы. Многие отдыхающие, позабыв нарзан и Лермонтова, целыми днями бродили по горам в попытках найти мало-мальски ценный скол горного хрусталя, бесформенный булыжник яшмы, агатовые камешки. Мало кому было известно, что искать эти камни нужно на Урале, а не на Кавказе, и потому – против всех теорий вероятности – находили. Распиливая яшму, шлифуя сердолики, агаты и нефрит, Николай потихонечку составил такую замечательную коллекцию самоцветов, что багетная мастерская выглядела как сувенирный магазин, в котором можно было заказать или купить изысканную штучковину.

И вот этот-то бизнес падал в овраг вместе с мостом. Поняв ситуацию, Николай вооружился топором, веревкой и весенним вечером вышел из дому. Марина, жена его, находилась на сессии заочников в Москве, Маша по идее должна была спать.

Поэтому в распоряжении Николая были вечер и ночь. Наутро мост висел на месте, как ему и положено, перилами вверх. Позже Николай удивлялся, каким образом ему удалось в одиночку поднять ни много ни мало тонну дерева и спокойно укрепить на ложе из камней. Удивлялся, впрочем, скорее себе, а не самому факту, и, разумеется, не без законной гордости. Придя домой под утро, он застал дочь на балконе. Она спала стоя, устремив закрытые глаза к небу.

Москвичка Марина, жена Николая, была очень красивая женщина. Закончив английскую спецшколу и детскую изостудию «Радуга», она собиралась стать художником, для чего не без протекции поступила в архитектурный институт. После первого курса Марина приехала на отдых в Пятигорск, а осенью умильно разглядывала прекрасные, с душой и умом сделанные снимки, запечатлевшие ее на фоне пятигорских красот. Затем фотограф-любитель Николай приехал на экскурсию в Москву, был посредственно нарисован пастелью, они с Мариной посетили все фотовыставки, музеи, театры и пивные бары. Через положенное время в Москве родилась дочь Маша, о чем Николай узнал в Пятигорске почти незамедлительно. Не испытав никаких эмоциональных перегрузок, Марина и Николай посоветовались, узнали в детской поликлинике, что у девочки слабые бронхи, что ей неплохо бы жить где-нибудь в горах на юге, и уехали в Пятигорск. Там они поженились. Марина перевелась на заочный, уверенная, что в романтических кавказских странствиях ей суждено создать настоящие шедевры. А покамест, в ожидании вдохновения, она расписывала задники для эклектичных постановок в драмтеатре, осуществляемых заезжими братьями-циркачами с помощью труппы полупрофессиональных артистов.

Театр, как уже было сказано, в городе некогда сгорел. Произошло это в период третьей любви Марии Степановны, за девяносто лет до появления на свет Иннокентия. Театр был почти знаменитым. Ходили легенды, что он являлся одним из конечных пунктов Счастливецва и Несчастливецва, или как их там звали на самом деле, в вечных странствиях между севером и югом. Приехав как-то попить водички, молодой Островский самолично услышал в кабачке пьяные бредни страдающего всеми комплексами гениального артиста, оставшегося без ангажемента, и превратил сии бредни в эпос. Артист тот плохо кончил: сойдясь на обратном пути в Ярославль с маркитанткой уланского полка, он заделался денщиком к молодому поручику из рода Оболенских, женился на маркитантке, создал ей пятерых детей и бесславно бежал с поручиком на Запад после революции, оставив всех прочих среди диктатуры пролетариата. Говорили, что он завел то ли в Стамбуле, то ли в Женеве собственную антрепризу, по другим сведениям – притон с тараканьими бегами, где поручик якобы работал у него билетером. Были это досужие сплетни или нет – неизвестно. Во всяком случае, пути Счастливецва и его сиятельства Оболенского потерялись в одесском порту, что и выяснила примчавшаяся вслед маркитантка.

Но вернемся к театру. Некогда, как уже говорилось, был он почти знаменитым. В разное время в нем гастролировали Озеров с Яковлевой, Малый театр в зените своей славы, всевозможные оперные дивы.

Однажды ночью, накануне объявленных выступлений Аделины Патти, пролетавшая мимо шаровая молния изменила направление полета, влетела в форточку директорского кабинета и ударила в стол. Горело буйно и весело, словно пять городских пожарных команд, примчавшихся спасать театр, поливали его керосином, а не водой. Здание сгорело до земли, из его начинки сохранился только несгораемый шкаф канцелярии с гонораром Аделины Патти. При этом не пострадал никто. Весь город пришел смотреть на пожар, как на фейерверк. Аделина Патти наслаждалась грандиозным зрелищем с балкона гостиницы, а будущая прабабушка Иннокентия Мария Степановна познакомилась при свете догорающих углей с его будущим прадедушкой, брандмейстером одной из команд.

Когда все было кончено, Аделина Патти исполнила с балкона две арии из «Дон Жуана» и потребовала свой гонорар.

После той прекрасной ночи театральное дело в городе захирело. Аделина Патти уехала в Лондон. Ни о каких Щепкиных, Садовских и Ермоловых не могло идти и речи. Эта тема была будто заговорена, неудача следовала за неудачей, директора и импресарио исчезали либо на западе, в тумане, либо на востоке, в Сибири, каждый раз без каких-либо отчетов о потраченных средствах. Теперь театр располагался в мрачном приземистом строении, бывшем еще недавно городской тюрьмой и на скорую руку переделанном, а заправляли в нем братья Ивашкины, режиссер и художник, у которых до поры, до времени и работала в декорационном цеху Машина мама Марина.

Ивашкины явились из Магнитогорска. Будучи внуками основателя знаменитой цирковой династии жонглеров-эксцентриков Ивана Ивашкина, братья, сбежав из-под бдительного семейного контроля, действительно, умели многое. Они превосходно бегали по канату, жонглировали разными предметами, знали эффектные карточные фокусы, сносно рисовали небо, море и дерево, могли научить пятидесятилетнего

героя-любовника пройтись колесом с последующим выходом на шпагат и другими последствиями. В таком стиле были решены все их спектакли.

А ставили они, между прочим, Шиллера и Шекспира. И каждый раз под очередным деревом Карл Моор тасовал карты, Офелия прыгала в море с каната, Ромео катался из кулисы в кулису колесом, Луиза Миллер подбрасывала вверх предметы столовой утвари. Карты путались, в море раздавался ужасный грохот, сопровождаемый приглушенно-внятными ругательствами, на пожилom Ромео расползались штаны, а чашки с сухим стуком прыгали по полу, выскочив из корявых рук Луизы Миллер. В городе театр ласково прозвали «Шапито», народ относился к Ивашкиным снисходительно, в театр же ходил со смирением и назиданием – посмотреть изнутри на царскую тюрьму.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что через неделю после починки моста Николай получил из Москвы письмо следующего содержания:

«Милый! Ты правда очень милый. Я очень рада, что Маше хорошо на юге в горах. Может быть, когда-нибудь она поправится, и вы приедете ко мне повидаться. Когда осмотрюсь на новом месте, сообщу адрес. Документы пришлю. Целую – ваша Марина.»

Прочитав письмо, Николай заперся в мастерской. Там он покурил, обдумал положение вещей, напился крепкого чаю с коньяком, а потом красивыми и тяжелыми сувенирами из самоцветов перебил вдребезги все багеты, рамы, картинки и фотографии. Не обделил также вниманием окна, люстру, лампы, радиолу и часы. Особо досталось образцово-показательной фотографии в витрине, на которой длинноногая черноволосая Марина, в коротком платье, сандалиях и с этюдником, рассматривала из-под ладони гнездо горных орлов. Милиция приехала, когда все уже было кончено. Николай сокрушил имущество собственное, а не чужое, отдых соседей только начинался, состава преступления не наблюдалось, и милиция уехала.

Николай собрал в мешок прошедшие боевое крещение яшмы, сердолики и прочие камни, заколотил наглухо мастерскую и отправился домой. Маше он сказал, что мама с заочного вновь перешла на очный. Девочка понимающе кивнула, улыбнулась и ушла на балкон. Летом они съездили к матери Николая в Азов, а с сентября, достигши шести с половиной лет, Маша пошла в школу.

Училась Маша легко и посредственно. С первых же дней ей было как-то неинтересно пересказывать вслух то, что она и так знала и что было понятно само собой. Учительница Анна Петровна напрягалась, чувствуя, что она воспринимается Машей как атрибут классной обстановки среди прочих равных – парта, доска, глобус, гортензия, Анна Петровна, швабра, рукомойник... Поздними вечерами, выправляя каракули своих подопечных, Анна Петровна пасовала перед Машиной тетрадью: в ней была четкая и изысканная система. Четыре палочки – вкривь и вкось, как у всех, а пятая – идеально ровная, выведенная будто по линейке, железной рукой. Затем пять буковок «О», уморительных и шатких, шестая и седьмая – красивые, как по лекалам вписанные в клеточки эллипсы. Затем шесть беспомощных дрожащих крючочков и три совершенно одинаковых маленьких стройных чайки, начатых и законченных точно на линии. И так далее – дело доходило до десяти, потом уменьшалось до четырех, вновь росло – уже в другой последовательности...

Создавалось впечатление, что Маша издевается над учительницей, учебной методикой, всей школьной методикой. При этом девочка была проста в общении, улыбка и ничем больше не выделялась – если не считать очень длинных платьев, в которых она ходила в школу. Анна Петровна пробовала провоцировать Машу на игру самолюбия, сбивала с толку сложными вопросами, даже пару раз ставила за неверный ответ плохие отметки. Маша ясно улыбалась, обезоруживая учительницу наивностью и видимой беспомощностью, садилась на место и безмятежно продолжала выстраивать в тетради свои ряды и системы, прихотливо меняя их и никогда не показывая, что, собственно, она имеет в виду.

Анна Петровна была строгая, пожилая заслуженная учительница. Она никогда не была замужем, у нее никогда не было детей, но о воспитании она знала все. В своей далекой молодости она страдала застенчивостью, была очень начитана и тайно обожала Марину Цветаеву. Начав работать в школе, она первое время побаивалась учеников. После нескольких лет проб и ошибок Анна Петровна поняла, что ее призвание – начальная школа. На этой ниве она достигла больших успехов. Получила почетное звание и орден. Была известна далеко за пределами Пятигорска. Отдала в четвертый класс десять выводков своих птенцов, и каждый класс отличался коллективным умом, сообразительностью, дисциплиной, стабильной успеваемостью и ровностью в отношениях.

После года боевых действий Анна Петровна заключила с Машей нечто вроде перемирия. Она почти не вызывала девочку к доске, а отметки – между тройкой и четверкой – появлялись в журнале как бы сами. Это всех устроило – в том числе, видимо, Машины папу и бабушку. Во всяком случае, никакой реакции на заниженные оценки не последовало.

Машина бабушка из Азова Ангелина Константиновна – баба Геля – приехала к сыну на Новый год погостить и осталась в Пятигорске навсегда. Она занялась домом и внучкой, она же стала шить Маше старомодные длинные гимназические платья.

Это было чудачеством Машиного отца: таким образом Николай мстил разбитой, но затем тайно склеенной образцово-показательной фотографией с этюдником и орлами. Фотография висела теперь дома, между рамами окна на черном ходу. Занимая почти всю площадь окна, она освещала маленький коридор черного хода и выглядела, как витраж.

Длинные платья, смотревшиеся на маленькой шестилетней Маше несколько неестественно и чопорно, к ее третьему классу нашли себя и пришлось ей очень к лицу. Бабушка Геля поднаторела в кружевах, воротничках, оборках и воланах, и Маша была похожа на настоящую маленькую барышню, сошедшую с фотографий и линогравюр столетней давности. Этому чрезвычайно способствовала рано определившаяся внешность девочки. Правильные, нежные черты бледного, как мрамор, лица, светло-русые волосы, густые почти черные брови и ресницы, мягкий овал подбородка, чуть курносый нос, неяркие губы с приподнятыми уголками, отчего возникало странное ощущение постоянной полуулыбки, и темные, непрозрачные, неблестящие глаза цвета дымчатого агата, таинственно обращенные не то внутрь, не то насквозь и вдаль. Волей бабушки Маша стала расчесывать волосы на прямой пробор, гладко их укладывать и вплетать в них шелковую ленту. Сверившись со старинными фотоальбомами, Николай как-то приобрел в драмтеатре на распродаже

костюмов несколько подходящих шляп, зонтик, перчатки, две пары ботинок на шнуровке, и стиль таким образом был сформирован. Третьеклассница Маша вновь стала вызывать робость в Анне Петровне, уважение у сверстников, интерес среди ребят из старших классов. Оценив это, воевать с ней учительница больше не решилась, а скоро третий класс закончился.

По такому случаю Николай подарил Маше аквариум с четырьмя рыбками. Одновременно, как еще более дорогой подарок, в Пятигорске объявилась Марина. «Встречайте. Проездом Ереван на съемки.» - пришла телеграмма, а через несколько часов после телеграммы на мосту появилась бывшая жена Николая. Стол накрыли на улице, под соснами, на него поставили самовар, разожженный шишками, вазу с пряниками, бутылку коньяка, блюдо с бутербродами и аквариум. Встреча родных произошла без сильных эмоций. Стало очевидным, что Маша ни внешностью, ни характером, ни поведением совершенно не похожа на мать. Они расцеловались, как подруги, Марина подарила Маше какие-то платья, заколки и куклу, все это спустя много лет Николай обнаружил нетронутым на чердаке. Рыбы сквозь аквариумный шар с немим удивлением созерцали странную компанию, тоже похожую на рыб. Каждый из сидящих за столом как бы плыл в свою сторону. Разговор поддерживался только бабушкой Гелей и потому скоро умер. Коньяк стоял нераспечатанный. Николай, увлекшийся в последнее время философией дзен-буддизма, заварил себе зеленый чай и приготовился медитировать прямо за столом, Марина холодно ревновала к нему Машу, а непонятная девочка рассматривала окружающий мир вместе с рыбами сквозь воду аквариума.

Марина ехала на съемки какого-то фильма помощником режиссера и одновременно должна была сниматься в эпизоде. Устроил ее на Ленфильм один из заместителей директора. Являясь членом государственной комиссии архитектурного института, он положил глаз на прекрасную заочницу, заморочил ей голову перспективой и увез с собой в Ленинград, где у него была семья. Примерно через год, устав крутиться и ловчить, Марина надавала члену государственной комиссии по физиономии. Перспектива стала намного туманнее. И теперь, у аквариума, когда круг замкнулся, двадцативосьмилетняя красавица Марина спокойно осознавала еще большую бесплодность кинематографического периода, чем предыдущего, живописного. Один-единственный родной ей человек был совершенно на нее не похож, нимало в ней не нуждался и улыбаясь прятался за искажающим мир шаром с четырьмя хладнокровными маленькими чудовищами. Рыбки, насладившись зрелищем человеческого зоопарка, расположились хвостами к взрослому обществу, повинувшись непонятной для всех воле. Чай в чашках остывал. Марина встала, обогнула стол, погладила Машу по голове и отправилась к мосту. Бабушка Геля не видела этого, раздувая самовар. Николай сидел, откинув голову и смотря в себя. Маша созерцала мать сквозь аквариум. Из воды на Марину глядели пять рыб. Она стояла посередине моста - высокая, холодная и спокойная. Опершись на перила, женщина смотрела в овраг и видела там Иннокентия. Тот застыл неподвижно и следил за тем, как исчезает незнакомая женщина, растворяется в сиреневом вечере. Взрослые не заметили, куда делась Марина. Через минуту на мосту уже никого не было. Тогда Маша взяла аквариум и ушла в дом. Николай убрал стол. Бабушка Геля, удивленная скорым уходом гостя, ничего у сына не спросила. Иннокентий некоторое время

надеялся, что Маша еще выйдет. В сумерках он отправился к себе. Ночью Маша стояла на балконе, смотрела на звезды и шептала странные стихи, пришедшие ей на ум. А над мостом впервые возник густой и мягкий звук кларнета.

Когда стемнело, мост будто раздался в ширину. Стих ветер. Наступила полная, горная тишина. Так продолжалось довольно долгое время. Облачное небо начало очищаться, стало чуть-чуть светлее. Старинный дом на краю оврага спал, погруженный в тишину и мрак. В овраге хрустнула ветка, после чего со стороны города донеслись дробные стуки копыт. Вновь подул ветерок. К мосту по утрамбованной грунтовой тропе не спеша приближались двое. Они были в черкесских одеждах, верхом на породистых жеребцах. Кони шли рядом, не управляемые всадниками, а те, плечо в плечо, вели негромкий, медленный разговор. Первый спрашивал, второй отвечал, затем наступали раздумья. По голосу было понятно, что второй всадник - женщина.

Они переехали мост. Спешились. Женщина отдала поводья своему спутнику и остановилась перед ним, опустив голову. В полутьме, невидимый, тот притянул женщину к себе. Словно ожидая этого, она прижалась к мужчине, обняла его за шею двумя руками и запрокинула голову. От резкого движения черкесская шапка дамы покатила по земле к краю оврага. Волнистые мерцающие косы распустились от своей тяжести, упали вниз, и в воздухе стало светлее. Стена дома и мост проступили из тьмы, поймав отраженные лучи. Из-за тучи вышла луна. Женщина сделала попытку освободиться, но ее спутник крепче сжал объятия. Она опустила руки за спину, прогнулась, обнажив шею, и замерла. Вдали, от города, раздалась приближающиеся шаги. Кто-то быстро шел, почти бежал в направлении моста. Встревоженные звуками, громко захрапели, затоптались на месте, заржали кони. Женщина неуловимым кошачьим движением выскользнула из объятий, подобрала шапку и исчезла в доме. Мужчина взял под уздцы коней, стараясь вести их по мягкой земле, отошел в тень сосен. Там он растворился во мраке. Звук кларнета прекратился, утонул в тумане, клубящемся на дне оврага. Никто не видел темную тень, притаившуюся за балконной дверью Машиной комнаты. Застрекотал сверчок. Высоко над землей ночным жуком буравил воздух самолет. Прояснилось. Луна зашла. Рассвело - и на балконе никого не было.

Утром Иннокентий неожиданно для себя что-то запел. Нет, он немного увлекался музыкой, ходил в городской детский хор, даже исполнял там соло - но чтобы вот так, лежа в постели, во весь голос, неведомую мелодию со странными стихами... Сам себе удивляясь и продолжая напевать, он оделся, спустился на улицу и у моста увидел девочку, которая ему нравилась. Она стояла, положив руки на перила, чему-то улыбалась и смотрела в овраг. Иннокентий остановился. Поймав его движение, девочка повернула голову и посмотрела на него в упор. Как это ни странно, учась уже шестой год в параллельных классах, они ни разу - ни на улице, ни на переменах, нигде - не встречались глаза в глаза. Иннокентий, действительно, не знал, как ее зовут.

- Дай вспомнить. В небе, среди звезд, не носила имени я... - в ответ на его мысли заговорила стихами девочка и отвернулась, замолчав.

- Но здесь, на синей земле, мне нравится имя «Мария»... - осенили Иннокентия неведомые строчки из песни, которую он пел только что.

- Мария - зови меня. - закончила декламировать странная собеседница и сделала полупоклон в сторону оврага. - Бабушка зовет меня княжной Мери.

- Откуда ты знаешь эти стихи?

- А ты?

- Я сочинил их только что.

- Вот как! Ты сочинил... - произнесла девочка тихо и насмешливо.

- А что?

- Их уже сочинили.

- Кто?

- Некий другой поэт. Лет семьдесят назад.

Иннокентий чувствовал скрытый смысл, но не понимал его. Ему неоткуда было знать этих строк, либо он уж помнил бы их вчера, позавчера, в прошлом году... Размышляя об этом, он молчал.

- Да, я понимаю, свое имя ты забыл, - продолжила Маша внезапное наступление, - но я его знаю. Это хорошо, что не Григорий. - закончила она совсем уж ни к селу ни к городу.

Сбитый с толку потоком противоречивой информации, Иннокентий смущенно топтался на месте. Маша вновь повернула к нему улыбающееся лицо с серьезными глазами и спросила:

- Вниз пойдешь?

Это было уже слишком. Он так почтительно, издалека следил за ней все эти годы! Ну, подсматривал - что ж теперь? А она - так... Иннокентий развернулся и пошел прочь от моста. Вслед ему донеслось произнесенное нараспев: «Нет больше прекрасной звезды! Синяя бездна пуста!.. Пала Мария - звезда. Больше не будет смотреть мне в глаза. Звездочет остался один!..»

Точь-в-точь песня, исполненная Иннокентием в постели. И звонкий, пленительный, веселый смех. Мальчик на полном ходу развернулся и столь же быстро вернулся к мосту. Не говоря ни слова, не понимая, откуда родилась в его голове эта безумная идея, не осознавая, что в принципе он делает, Иннокентий поцеловал Машу в ее улыбку и остался стоять близко к ней.

- Что за самодеятельность... - прошептала Маша, однако не отстранилась.

Получалось, что они стоят, почти обнявшись. Это пугало Иннокентия. Он не знал, как быть дальше, и почти пожалел, что не прислушивался к разговорам одноклассников на переменах в умывальнике.

- Не переживай, - вновь слету поймала мысль девочка, - это не так.

- Что не так? - спросил Иннокентий именно потому, что все понял.

Маша промолчала, и мальчишка покраснел.

- А почему хорошо, что я не Григорий?

Девочка промолчала опять, отошла от него, наконец, на шаг и достала из кармана расческу. Иннокентий не рискнул повторять вопрос, боясь опять попасть в смешное положение. Расческа засвистела в густых светло-русых волосах, но вдруг вывернулась, сверкнула на солнце и упала в овраг. Маша вопросительно посмотрела на мальчишку.

- Не полезу, - неожиданно заупрямился Иннокентий. - Почему хорошо, что не Григорий?

- Молодец, - с насмешливым уважением констатировала Маша и достала из кармана другую расческу. - Пойдем, Звездочет.

Много лет спустя, когда им обоим было уже по тридцать и они в очередной раз чуть не поженились, Иннокентий, подружившийся с Машиным отцом, сидел в его новом «Ателье» и в сумерках разливал в плоские бокалы последние капли отличного армянского коньяка. Остальное содержимое красивой литровой бутылки уже перешло в головы собеседников. Николай традиционно заваривал зеленый чай, который, по его теории, в сочетании с хорошим коньяком полностью снимал с тормозов мозги и открывал «третий глаз». С ним такое случалось... А Маша, опять спутав все карты Иннокентию своей гениальной прозорливостью, уехала с матерью в Англию. Переживая это, Иннокентий ждал зеленого чая, смотрел сквозь коньяк на свечу, зажженную в керамической лампе, и на освещенную ей комнату.

За окном шел дождь, полупрозрачные фотографии-витражи на зеркальных окнах «Ателье» струились, дрожали, жили таинственной жизнью в изменчивом свете лампы и дождевых потоков. Витражи были сделаны из стекла с нанесенными на них тончайшими пластинками самоцветных камней - уникальное изобретение гения своего дела Николая. А изображали они галантные сюжеты разных времен - взятые из городского архива, снятые в новые времена лично Николаем, либо вымышленные и вписанные в этот ряд лукавой волей художника.

С одной витрины в «Ателье» смотрела красивая молодая дама середины 19 века. У нее за спиной виднелась гора, на вершине горы сиял крест. Подножие креста представляло каменную дверь с тяжелым замком. В скважину был вставлен ключ, но никто не мог повернуть его: двое распростертых юношей еще сжимали дымящиеся пистолеты. То была фантазия, изготовленная по линогравюре, изображающей прабабушку Иннокентия Марию Степановну.

Вторая работа нам уже известна. Горные орлы, Марина, точеные запястья и колени, развевающиеся крылья, ленты и волосы. В клюве орла виднелась измятая и порванная киноплёнка.

На третьей бессюжетно улыбалась, стоя на крыльце школы, десятиклассница Маша. В день последнего экзамена, неуловимо-изысканная в удивительно идущем ей простом гимназическом платье, без шляпы и перчаток, с букетиком неоновых фиалок в руке, Маша таинственно молчала о чем-то. Прихотливый Николай наметил в середине букетика фиалок замочную скважину, а в другой руке угадывался ключ.

Четвертое окно изображало многофигурную композицию. Кипящие источники, горящий театр, стреляющиеся офицеры и аплодирующие им дамы, прогулочная тропа, вьющаяся вокруг горы, и бегущие по ней собаки, аквариум со смотрящими друг на друга золотистыми рыбами, лезущие на гору туристы в рюкзаках и Бог знает еще что - настоящий шедевр наивного искусства.

И, наконец, световое окно на потолке окончательно проявляло подсознание Николая, запечатлев в мозаике каменных пластин его самого в образе Дюрера со знаменитого автопортрета.

Когда коньяк и чай были выпиты, Николай, сидящий на стуле, посмотрел на Николая, колеблющегося на потолке, затем перевел взгляд на другие сюжеты своего волшебного фонаря-аквариума. Иннокентий, следя за ним, понял, что мозги уже без тормозов и вот-вот откроется третий глаз. Это было опасно. Когда-то в подобной ситуации закончила свое существование известная в Пятигорске багетная мастерская. Чтобы увести мысли Николая от слишком сильных прозрений, Иннокентий спросил,

почему именно Марию Степановну и именно эту гравюру автор взял для сюжета с горой, крестом и дуэлянтами.

Николай долго молчал, сосредоточенно о чем-то размышляя.

- Это не Мария Степановна, - наконец, изрек он.

Выдержав еще одну паузу, он подошел к шкафу, снял с полки альбом и достал оттуда две картинки. На одной из них - той, которую знал Иннокентий, - была нарисована его прабабушка. Вторая, которую он видел впервые, изображала Машу. Фотография того же дня, что на крыльце, но - другая: в шляпе, перчатках, длинном расстегнутом плаще, на фоне дома, моста и горы.

Девушки, разделенные более чем столетием, были непостижимым образом, удивительно, мистически похожи. Не как родственницы. Не как даже сестры-близнецы. Но как человек может быть похож лишь сам на себя...

- Ты, Звездочет, запомни, что я тебе скажу: Машка - ведьма. Это я знаю точно. - прервал смешавшийся ход мыслей Иннокентия Николай. - Столько, сколько я ее помню. А помню я ее, сам понимаешь... Хочешь докажу? Смотри!

Иннокентий не успел его остановить. Два тяжелых мраморных подсвечника в мгновение ока улетели каждый в своем направлении. Один насквозь проломил автопортрет Дюрера и исчез в дожде. На пол заморосило. Другой что есть силы ударился о Машу на крыльце. С Машей ничего не стало, разве что улыбнулась она чуть более насмешливо, а подсвечник разлетелся на мелкие куски, как хрустальный. В этот же момент зазвонил телефон. Николай никак не отреагировал, трубку взял Иннокентий. Маша сообщала, что она благополучно добралась до Бирмингема, чтобы ее милые и дорогие папочка и Кешечка не волновались, привет от мамочки, а дождь скоро пройдет.

Иннокентий привычно почувствовал себя дураком.

- Вы там, пожалуйста, поменьше медитируйте, ладно? А отцу скажи, что его Дюрер и вправду был не очень удачный. Раньше мне нравилось, но мать права. Надо быть проще... - завершила разговор сама святая простота Маша и повесила трубку.

- Убедился? - спросил Николай.

Через час дождь перестал. Сквозь дыру в Дюрере в «Ателье» заглянули звезды.

Что с Машей не все ясно, Иннокентий знал всегда. Он помнил десятки странных случаев и совпадений, которым лично был свидетелем, даже в юношеские и детские годы.

Однажды, в девятом классе, когда Маша с Иннокентием уже учились вместе, они вдвоем дежурили по школе. Им доверили ответственный пост. Находясь во время уроков возле выхода, они обязаны были мешать родителям и ученикам диффундировать друг в друга. Иннокентию необходимо было выучить к следующему уроку химию, он забился в угол, уткнулся в книгу и просил ему не мешать.

А Машу надо было видеть! В строгом коричневом платье с коротким рукавом, в белоснежном фартуке, с белой лентой в волосах, ленивая и прекрасная, она сидела, неподвижная, как памятник, перед книгой, балетно сложив на коленях руки и время от времени поглядывая на дверь.

Дверь вытворяла неизвестно что. То самопроизвольно распахивалась, набивая родителям синяки и шишки в самых разных местах, то вдруг оказывалась запертой на два оборота перед собирающимся ехать в РОНО завучем; неожиданно начинала

открываться на другую сторону вопреки расположению петель, строению косяка и всякой логике, давая возможность срочно вызванному учителю физкультуры и труда блеснуть недюжинной физической силой и интеллектом - и так далее. Около двери была постоянная пробка: уборщицы, директор, сторож, учителя, слесарь, родители... Лишь ответственные Маша с Иннокентием были ни при чем, и им никто не мешал.

Или в другой раз, за полгода до этого, вместо заболевших учителей уроки литературы и истории проводил самопровозглашенный школьный интеллектуал, учитель НВП, пожилой капитан в отставке. Маша, чьи знания по истории и литературе приближались к университетским еще в период их с Иннокентием знакомства, теряла из поля зрения нить урока, в упор не видела многопрофильного учителя НВП и аккуратно получала у него по этим предметам двойки.

А пожилой капитан в отставке на своем предмете терял из поля зрения и не видел в упор автомат Калашникова, только что извлеченный им из сейфа и лежащий на учительском столе. Забыв, куда он дел автомат, однако стараясь скрыть от класса смятение, учитель зеленел, покрывался мелкими капельками пота, кидался в подсобку, громыхал там сейфом, шумно пил воду. Затем вбегал в класс, шарил глазами под партами, заглядывал за глобус и телевизор, открывал ящики письменного стола, рылся в карманах... Ученики, не понимая, в чем дело, сидели притихшие и напряженные. Одна лишь Маша не обращала внимания на странные действия педагога. Положив перед собой часы, она задумчиво рисовала цветочки в учебнике с устрашающими ядерными грибами. Поиски автомата продолжались до конца урока и увенчивались успехом со звонком. Учеников это устраивало. После нескольких таких случаев, дошедших до директора, экс-капитан оставил военный пост, перестал заменять гуманитарных учителей и перешел в учителя физкультуры и труда, которые Маша не посещала.

А в седьмом классе на трех ребят, катавшихся по горбтому мостику на коньках, кинулись бродячие собаки. С Машиного одноклассника Васи голодные псы сорвали варезку и прогрызли ее в один миг. Иннокентий вынужден был съехать с тропинки, по которой конькобежцы выкатывались на ледяной мост, и спланировать в овраг. Там он мягко приземлился в снег и видел дальнейшее. Последней ехала Маша. Собаки, намерившиеся продолжить наступление на Васю, отреагировали на хрустение Машиных коньков по ледяной брусчатке. Одна, самая злая, помогла Маше затормозить на выпуклой поверхности моста. Другой, самый лохматый, подобрал со льда варезку Василия, с тихим извинением отнес ее хозяину, и они вместе ее надели куда положено. Два здоровенных кобеля вытащили Иннокентия из оврага, после чего отряхнули его хвостами. Все это время Маша сидела на своей собаке и угощала ее конфетой-тянучкой. Остальная свора почтительно расположилась на краю оврага. Когда необходимые процедуры были проделаны, собаки дружно побежали в гору по опоясывающей тропе. Ритмичный разноголосый лай, похожий на пение слаженного хора, долетал до ребят, пока стая бежала по этому краю горы, исчезал, когда они заворачивали на другой склон, и вновь появлялся - уже намного выше и дальше... Здоровенные кобели потом часто провожали Иннокентия в школу. А Вася при определенных обстоятельствах был-таки впоследствии укушен.

С легкой Машиной руки за Иннокентием закрепилось прозвище «Звездочет». Почему Звездочет, откуда это взялось, что за стихи и наваждение были тем весенним утром, Иннокентий узнал - да и то частично - лишь через многие годы.

Но сам день знакомства Маши с Иннокентием был не менее удивителен, раздражающе-интригуяущ, небогат событиями и невероятно растянут по времени.

Маша не любила отвечать на прямые вопросы. Вернее - она любила на них *не отвечать*. Нагнетать таинственность было ее любимым занятием. Делала она это неприметными, обыденными средствами. Вроде бы естественно общаясь, не меняя тона и не имея видимого повода, она неожиданно выстреливала либо непонятной в принципе, либо непонятно откуда известной ей информацией.

После эпизода с расческой Маша повела загипнотизированного Звездочета к себе домой. Там она показала ему своих рыб в количестве тридцати штук и устроила удивительные показательные выступления.

Потом они обедали и пили чай. Самовар, поданный бабушкой Гелей, был тот же самый, что ставился на стол в честь приезда исчезнувшей с тех пор Марины. К чаю полагались баранки, варенье и сыр, а также странная черная кисло-сладкая «подошва» из каких-то фруктов. Есть ее надо было продолжительно и неторопливо, зато долго было и вкусно.

Затем Маша показала Иннокентию подавляющих размеров библиотеку. Большая часть книг была найдена в стопках на чердаке, многое привезла с собой бабушка Геля, кое-что Николай собрал сам, несколько десятков томов принадлежали Марине. Небрежно махнув рукой на стеллажи, уходящие в небеса, как отвесные скалы, Маша рекомендовала ему искать здесь ответ на все его вопросы.

В комнате Маши внимание Иннокентия привлекли две двери, расположенные почти рядом и выходящие на улицу. Одна, нормальная, вела на балкон. Другая, в пустоту, была замурована. Удивительно было то, что как-то ночью он видел эту, замурованную, дверь открытой, а Маша смотрела на улицу через окно. Сейчас окна в комнате не было. На робкий вопрос, что бы это значило, Маша высказалась в том роде, что «лунатику луначья смерть». Ответ был туманным и исчерпывающим.

Наконец, они добрались до чердака. Умелец Николай приспособил чердак под мастерскую, студию, игровую, пиратский корабль, башню с привидениями, лабораторию алхимика и астролога. С лестничной площадки на чердак вели ветхие ступени, упершиеся в черный люк и допотопный ржавый висячий замок. Создавалось впечатление, что этим ходом уже долгие годы никто не пользуется. Так оно и было. Плесень, паутина, копоть и ржавчина были настоящие. Зато с черного хода квартиры, от портрета Марины, к чердаку взлетала легкая винтовая лестница с перилами. Массивная сосновая дверца в виде полукруглого мансардного окна открывалась бесшумно, и за ней посетитель оказывался в средних веках...

Новоиспеченный Звездочет не заметил, как протек день. Когда похолодало и подул ветер, разогнавший за горы облака и туман, он осознал, что настал вечер. Звезды легли на горы - близкие и ледяные. В телескопе дрожал тоненький серп Луны.

Иннокентий вдруг понял, что потерял из виду Машу несколько часов назад. Находясь в ее доме, он так увлекся телескопом, астролябией, картой звездного неба и фазами Венеры, что забыл про хозяйку. Последнее, что он помнил - Маша пошла вниз, в библиотеку, взять какую-то книгу и не вернулась. Иннокентий остался без света на

чужом чердаке, один на один со звездами. Он испугался, с трудом отыскал полукруглый люк, открыл его и спустился вниз, к черному ходу. Там он щелкнул выключателем. Тусклая лампочка осветила Марину, гнездо горных орлов, вход и выход. Дверь в квартиру была заперта. Другая отворилась. Иннокентий вышел во двор, и небо с гор холодно опустилось на него.

Чувствуя, что приобрел сегодня что-то важное, но не в состоянии понять, что именно, он незаметно и впервые самостоятельно перешел мост и уж со своей стороны посмотрел на окна Машиной квартиры.

На балконе стояла Маша.

Она помахала ему рукой, привлекая его внимание, и сделала широкий указующий жест в зенит. В небе, под синей звездой по имени Вега, сияла яркая комета с двумя хвостами, голубым и розовым. Изогнутые хвосты напоминали улыбку. Иннокентий взглянул на Машу. Та тоже улыбалась, как комета. Придя домой, он открыл окно. Маши на балконе уже не было. Комета плавала в небе до утра. Всю ночь, ожидая чего-то, Иннокентий не спал. Но ничего больше не произошло.

Следующий день прошел в напрасных попытках увидеть Машу. Окна, двери, форточки и занавески Машиной квартиры оставались плотно закрытыми. Мост был пуст. Идти без приглашения казалось неудобным.

Ночью комета не взошла. Это было странно.

По всем астрономическим справочникам ее вообще не должно было быть. Это было удивительно.

Но она была!

Ее заметили обсерватории на всех континентах.

Это вызвало переполох в научных кругах. Журналисты раздули шумиху. На киностудиях срочно фабриковались фантастические сценарии о скором конце света и его предотвращении.

В полночь Иннокентий, тщетно стараясь разглядеть сквозь уплотняющуюся дымку двуххвостую красавицу, неожиданно вспомнил: «Нет больше прекрасной звезды... Синяя бездна пуста... Пала Мария-звезда... Звездочет остался один...» В эту ночь, едва познакомившись с Машей, он впервые простился с ней навек.

Растворившись в сиреневых сумерках после чая на мосту, бывшая жена Николая Марина на день проявилась в Ереване, где написала режиссеру снимаемого фильма заявление об уходе, которое выглядело примерно так: «Милый! Ты правда очень милый. У тебя, может быть, даже что-нибудь получится... Документы пришли по адресу...» Съёмочная группа в оцепенении проводила Марину в аэропорт. Потом вернулась в гостиницу и начала прожигать бюджет картины в безнадежных ожиданиях круто запившего режиссера, его любимого помрежа и какого-нибудь еще чуда.

Вскоро проект был передан другому директору. Тот подошел к ситуации умело, свалил на бывшую администрацию прошлые, настоящие и будущие грехи и полностью опустошил счет. Затем он растворился в тумане на западе. Ситуация с Пятигорским театром повторилась в смежном жанре.

Марина же через весьма продолжительное время неожиданно и - как показало будущее - окончательно материализовалась на Британских островах во главе делегации пермских флористов. Надо сказать, что Марина была прекрасным

организатором творческого и производственного процесса. Это было ее талантом. Даже если она поначалу ничего не понимала в самом процессе, то умело окружала себя сведущими людьми и быстро приобретала необходимые знания, навыки и рефлексы.

За три года Марина создала в разных городах несколько полуподпольных мануфактур, построенных по принципу багетной мастерской Николая, но с более точной, четкой и профессиональной организацией труда. Каждый раз Марину в нелегкой борьбе побеждали соответствующие органы. А злостная получательница нетрудовых доходов вынуждена была исчезать, потеряв все имущество. Наконец, не желая больше наступать на те же грабли, она затаилась. В ту пору она оказалась в Перми. Поступив работать в какой-то небывалых размеров дворец культуры, напоминающий по архитектуре комплекс пирамид Гизы, Марина решила действовать хитрее. Она организовала студию декоративно-прикладного искусства, занявшуюся народными промыслами этой местности. Привлекла внимание к своей деятельности редактора областного телевидения, и тот стал организовывать репортажи. Подружилась с группой полусумасшедших энтузиастов, создавших городскую школу искусств. Группа состояла из трех композиторов, двух режиссеров, двух художников, молодого священника, поэта и фольклориста и называлась «Мир искусств - 2». Полусумасшедший энтузиазм при помощи Марининых идей на некотором этапе принес неплохую и вполне законную прибыль. После того, как школа и студия Марины приобрели кое-какую известность, им отдали детский садик, состоящий из двух корпусов. Один заняли энтузиасты, другой - Марина.

Когда все вокруг начало фантастическим образом меняться, взлетать и рушиться, Марина стала содержать школу. Но это продолжалось недолго: используя школу и мастерскую как средство, она понимала, что в этой стране ей делать нечего, и цель ее была - уехать.

Так она и оказалась во главе делегации пермских флористов в городе-побратиме Перми - Ньюкасле-над-Тиной.

Остальное было делом техники.

Хорошо зная язык и культуру, Марина, наконец, почувствовала себя в своей тарелке. С первых же денег она полностью сменила свой гардероб. Все это пошло на пользу ее красоте, которая стала совершенно ослепительной и неотразимой. Такая женщина долго бесхозной оставаться не могла. Она не могла и недолго оставаться бесхозной.

Через месяц, к концу культурной программы, в последнем пункте путешествия городе Портсмуте Марина повстречала джентльмена с символичным именем Джон Сильвер.

Спустя полгода она стала миссис Джон Сильвер.

Маша и Николай были уведомлены об этом событии письмом.

Николай чуть не впал в очередную депрессию. Но тут уж его твердой рукой сдержала десятиклассница Маша.

К тому же Маша, узнав про Джона Сильвера, хохотала так, что Николай, не понимающий, что тут смешного, невольно заразился ее весельем. В домашней библиотеке было два «Острова сокровищ», на русском и английском. По настоянию Маши Николай прочел книгу, оценил юмор и успокоился. Более того, он в своей новой

технике создал замечательные иллюстрации к классическому произведению, в том числе собирательный образ знаменитого пирата Джона Сильвера - на костыле, с клюкой, клыком, без глаза, в треуголке и с попугаем.

Под руку с собирательным образом проказница Маша пририсовала фломастером красивую вертлявую женщину в современном мини-платье, и это стало апофеозом ситуации.

Вскорости из Англии пришел вызов.

Николай ехать отказался категорически, сославшись на пошатнувшееся здоровье бабушки Гели, а Маша сдала экзамены, сфотографировалась на крылечке и у горы, совершила еще кое-какие действия и - поехала. Накануне ее отъезда они с Николаем приобрели в подарок Джону Сильверу большого белого попугая. Единственный отысканный в Пятигорске какаду оказался птицей на редкость тупой, упрямой и наглой. Но Маша и не таких видала. После нескольких пробных попыток какаду научился стоять на одной ноге, сделав «ласточку»; размахивая крыльями, кричать петухом, котом и собакой, декламировать стихи и даже петь что-то насчет бананово-лимонного Сингапура.

Поезд в Москву и перелет до Лондона вышколенный попугай перенес стоически. Проблема возникла, в итоге, не с птицей, а с английским пограничником. Ссылаясь на какой-то билль от 1920 года, мистер Уильям Ф. Пинч - так значилось на его лацкане - потребовал от Маши попугайный паспорт, справки о прививках и квитанции об уплате налога... Маша сообщила, что это попугай Джона Сильвера. Мистер Уильям Ф. Пинч ответил, что он такого не знает. Затем с пограничником случился жуткий приступ чиха. Он достал из кармана платок и, покраснев глазами и носом, на время отключился от внешнего мира. Пришлось Маше в перерыве между залпами взять из безвольной руки англичанина печать и самой проштамповать свой паспорт. В холле Машу встречала Марина в том самом невообразимом платье, которое недавно нарисовала ее дочь. Попугай улетел к машине, сопровождаемый Мариной. Маша взглянула издали на мистера Уильяма Ф. Пинча, и приступ чиха прекратился. Деловито высморкавшись, пограничник, не оборачиваясь, занялся терпеливо ожидающей очередью гостей Соединенного Королевства.

Маринин супруг оказался милым, добрым, смешливым, до безобразия молодо выглядящим, состоятельным господином. Ему все было по душе. Ему очень понравилась прехорошенькая Маша. Долго тряс ей руку, он целовал Машу в щеки и все твердил, какое для него удовольствие встретить ее. По душе Джону Сильверу пришелся также и попугай, хотя смысла дара Джон, очевидно, не понял. Предвидя подобную ситуацию, Маша приложила к подарку руководство по эксплуатации в виде английского варианта «Острова сокровищ».

Книга произвела фурор. Попугай был наречен Капитаном Флинт, одна из комнат в доме преобразилась в пиратский притон, и вся семья ежевечерне пила там ром и кофе. В моменты споров супруги Сильверы посылали друг другу через Машу черные метки.

А потерявшего в этом раю ощущение опасности Капитана Флинта в час беспечного послеполуденного отдыха чуть было не задрал любимый ангорский кот Марины по имени Винни-Пух. Птица, впрочем, вовремя очнулась, и коту тоже

досталось на орехи от бандитского клюва. В результате единоборцы долго лечились и впоследствии друг друга явно недолюбливали.

Чего нельзя было сказать о людях.

Лучезарный Джон как нельзя более соответствовал своей серебристой фамилии. Он явился голубем мира для всей семьи с ее ответвлениями. Через четыре дня после приезда Маши Николай, Джон и Марина болтали на троих по телефону, строя общие планы. Многим из этих планов суждено было реализоваться.

Маша быстро учила язык, ходила по музеям, театрам, консультировалась с врачами, следила за погодой, гуляла по каналам, паркам и бульварам. В общем, вела нормальный и счастливый образ жизни молоденькой английской мисс из хорошей семьи.

Ее визит продолжался три месяца. Затем она надумала ехать в Москву поступать в Университет. Всей компанией, включая Капитана Флинта и Винни-Пуха, Машу проводили в аэропорт. На сутки Маша задержалась в Москве сдать документы, а после на три дня улетела домой.

На мосту ее встретил Иннокентий и сделал ей предложение.

- Спасибо тебе, Звездочет, - сказала Маша, - я бы и не против, но мы еще маленькие.

- А через год?

- «Через год» будет через год. Подожди, ты еще сам передумаешь - через год-то. Вот посмотришь.

- Маша...

- Ну, Кеша, что ты... Не передумаешь - так и ладно. Поговорим. Но я боюсь...

- Что?

- Я боюсь испортить тебе жизнь.

- Ты уже ее испортила.

- Вот видишь!

- Что «вот видишь»? Уже ведь испортила - чего ж теперь бояться?

Логика Иннокентия показалась Маше забавной.

- Ты - меня - не знаешь, - продекламировала она с легким нажимом, то ли испытывая его, то ли предупреждая о чем-то в свойственной ей манере не договаривать.

- Я - тебя - знаю, - в тон ей ответил Звездочет.

- Тем более... Ладно. Договорились. - Маша неожиданно поцеловала Иннокентия и стремительно ушла. Иннокентий стоял и недоуменно размышлял, о чем это они договорились?..

В эту ночь мост зазвучал вновь.

Было беззвездно, безлунно, облачно. Темнота стояла почти полная. На Машином балконе зажглась свеча. В окне, там, где должна была находиться дверь, виднелась закутанная в темное женская фигура. Подсвечник стоял на подоконнике. Ясный огонек отчетливо освещал пустоту под окном. Женщина отошла от окна и вышла на сместившийся влево балкон.

В овраге клубился туман. Разрывая его и утопая в нем, по дну оврага, стоя на лошади, бесшумно ехал всадник, черный на фоне белесой пелены. Длинные поводья помогали ему держать равновесие. Высколенная строевая лошадь шла ровно, без

толчков. Туго натянутый повод не давал ей гарцевать. Всадник увидел свечу, подъехал под мост и спешил. Потом он выбрался к дому, встал под балкон и хрустнул веткой. Свеча погасла. Стало совсем темно. «Это ты?» - спросил женский шепот с балкона. «Да», - последовал ответ и негромкий шорох.

Двое встретились на балконе. Наступила долгая тишина, столь же полная, как и темнота. Лишь едва слышно с неба долетал голос кларнета. Да тончайшие ниточки чьих-то мыслей шелестели в этом звучащем безмолвии. Они переплетались, шелест становился явственнее, складывался в слова.

- Нет... Нет... Нет, нет! Если ты меня любишь - нет! Пожалуйста, я прошу тебя, нет. Нельзя. Он тут, рядом. Он все чувствует, он ревнует меня, он убьет тебя... Ты сумасшедший, зачем ты поднялся... Я умоляю тебя - нет! Я тоже... Я тоже не могу... Я не люблю его. Я не жена его - но я жена его. Ты же все знаешь. Пожалуйста, остановись. Не надо... Я ведь не каменная... Не надо... Пожалуйста, не надо... Все... Все... Остановись. Потом. Не сердись. Так надо... Спасибо... Спасибо. Я придумаю. Я приду к тебе. Сама. Пстой! Подожди... Не уходи... так быстро. Еще немного. Побудь здесь. Вот так... Милый мой... Пстой... Нет, иди. Боже мой...

- Я увезу тебя.

- Он догонит...

- Я вызову его на дуэль. Я дам ему пощечину...

- Он убьет тебя. Ты знаешь, как он стреляет.

- Он меня - или я его... Все равно, кто-нибудь кого-нибудь убьет... На дуэли или из-за угла.

- Я не хочу этого слышать... Пожалей меня... Я так не могу... Не хочу...

- Ты не хочешь быть со мной?

- Такой ценой - нет... Ну, куда же ты... За что ты меня мучаешь...

- Ты хочешь остаться с ним?

- Пожалуйста, перестань...

- Что же делать? Скажи, что же мне делать?

- Я не знаю... Завтра... Его не будет... Я приду к тебе... Завтра вечером я сама приду к тебе... И там... Все, что ты захочешь... Достань мне костюм. Горский.

- А послезавтра?

- А послезавтра вернется он...

- Мария?

- Да, Григорий?

- А если он вернется завтра вечером?

- Почему?

- Он же все чувствует?

- Зачем ты это говоришь?.. Мне не надо приходить?

- Прости... Я ухожу.

- А костюм?

- Вот он.

- Боже мой, откуда?

- Я же говорил, что украду тебя.

- Григорий!

- Да, Мария?

- Прямо... вот... сейчас?..

- Да, Мария.

- Подожди... Постой... Где костюм... Григорий... Я... я... Нет. Не могу... Прощай... До завтра.

И дальше все было так же темно и тихо. Кларнет давно перестал звучать.

Иннокентий вернулся домой под утро. Ночь он провел в горах. Было влажно и тепло, пряно пахли хвойные деревья, а ночной поезд уже уносил Машу в Москву.

Родители Иннокентия работали врачами в одном из железнодорожных санаториев. Рано утром они уезжали из Пятигорска на электричке и до позднего вечера находились на работе.

В результате этого после ухода Марии Степановны Иннокентий был предоставлен сам себе и имел столько свободы, сколько мог взять. К его десятому классу родители получили служебный домик в Железноводске и стали жить там, а квартира полностью осталась в распоряжении Иннокентия.

Надо сказать, что Иннокентий с Машей не растерялись и предоставленной им свободой злоупотребили. Все второе полугодие десятого класса они, почти как молодая семья, прожили вместе. Бабушка Геля спать ложилась рано, Николай проводил ночи в новой мастерской, которую он только получил и начинал отстраивать по своему вкусу. К тому же Маша пользовалась изрядными вольностями, на которые ей давали право ее чудачества и постоянно растущее необъяснимое влияние на родных.

Так что никто не мешал ей уходить на ночь к своему Звездочету. Когда это случилось в первый раз и Иннокентий увидел в глазок входной двери смешную Машину гримасу, которую она скроила специально для него, он не понял, что происходит.

Они сидели полночи на кухне, пили кофе, обсуждали школьных друзей. Маша рассказала, что у одноклассника Васи случились странные и забавные выпадения памяти. А Иннокентий от смущения придумал играть в шашки. Маше идея понравилась. Особенно в «щелкунчики». Шашки потом три месяца обнаруживались в самых неожиданных местах. Когда же Иннокентию пришла фантазия их посчитать, оказалось, что шашек набралось уже два с половиной комплекта.

После «щелкунчиков», завершившихся в пять утра, выросшие дети уснули прямо на стульях.

На вторую ночь «щелкунчики» заняли меньше времени, а спать они легли на разных кроватях и в разных комнатах.

На третью ночь шашек не было вообще. Придя пожелать Маше доброй ночи, Иннокентий присел на ее диван...

Так что предложение Звездочета Маше выйти за него замуж выглядело бы логичным и чисто формальным. Если бы... Если бы Маша была не Маша, а кто-либо другой. Девушка никогда не говорила Иннокентию, что любит его. Или, хотя бы, что он ей нравится. Даже бессонными ночами, под странный звук кларнета, в темноте и пылких объятиях, Маша была спокойной и ироничной. Казалось, она лишь терпит его, неизвестно зачем впервые придя, неизвестно почему каждый вечер приходя, а днем уединяясь со своими книгами, рыбами и мыслями.

В конце мая Маша сообщила Иннокентию, что, кажется, беременна. При этой новости от наплыва противоречивых чувств Иннокентий чуть не повесился. Маша преобильно хлестнула его веревкой по спине. А в июне, после экзаменов, как ни в чем не бывало, ничего не подтвердив и не опровергнув, оставив семью и Иннокентия в неведении, а последнего еще и в муках, она улетела себе с белым попугаем в Англию к Марине и Джону Сильверам.

Оттуда, правда, Маша два раза звонила и, не поясняя, что она имеет в виду, уверяла Звездочета, что с ней «все в порядке».

В страхе и сомнениях Иннокентий отправился к Машиному отцу. С этого визита началась их дружба, которой суждено было продлиться многие годы.

Испытывая настоящее отчаяние от изматывающего информационного голода, Иннокентий напрямую брякнул Николаю, что Маша ждет от него, Иннокентия, ребенка.

- Звездочет, по-моему, у тебя поехала крыша. На почве мании величия... - отсмеявшись, заявил Николай растерянному, смущенному, худосочному юноше, почти мальчику. - Забудь об этом и подай мне пилу.

Ни на чем не основанная святая уверенность Николая утешила Иннокентия, но тут позвонила Маша.

- Ну-ка, позови Звездочета, быстрее! - без приветствия срезала она отца, который собирался сказать, что она легка на помине, а заодно кое-что спросить.

- Ты - болван. И дурак. Ясно? Это - первый и последний раз. Если ты еще хоть что-нибудь, хоть кому-нибудь, хоть когда-нибудь разболтаешь - пеняй на себя. Ты забудешь, кто я. Как я выгляжу. И как меня зовут. Понял? А теперь давай отца... Пап! Сто капель валерьянки этому неврастенику. Пусть поможет тебе носить кирпичи и месить известку. Либо пусть колет дрова. Впрок. На пользу пойдет. Скажи, что я в сентябре приеду, повидаемся. Привет от Сильверов. Наша с тобой Марина - красавица. Джон - просто рыбка! У меня все отлично. Не буду тратить чужие деньги. Пока. - и в трубке раздались короткие гудки.

К сожалению, «забудешь, кто я...» и так далее - не было игрой слов либо пустой угрозой. Именно такую шутку Маша проделала недавно с одноклассником Васей. Тот влюбился в Машу и вбил себе в голову, что должен увести ее у Звездочета. Бывшие друзья даже подрались в школьном туалете. Выйдя из туалета, красные, как помидоры, помятые и очень злые, мальчики наткнулись на безмятежную Машу. Она стояла у окна и грызла веточку. Соперники разбрелись в разные стороны, и Иннокентий увидел, как Маша, пропустив его, подошла к Васе. О чем-то они минуту поговорили, потом Маша щелкнула Васю веточкой по лбу и ушла в класс. Вася долго стоял и тер лоб. Прозвенел звонок, но Вася его не слышал. Кто-то из одноклассников завернул Васю на урок. Тот послушно побрел к двери, пожимая плечами, силясь о чем-то думать. На следующий день выяснилось, что Вася позабыл самые разные факты своей биографии. В том числе - имена многих одноклассников, учителей и родственников. Машу и Иннокентия Вася разглядывал, как нечто совсем постороннее, и до окончания школы ни разу не сделал попытки подойти. А в один погожий день Васю укусил лохматый бродячий пес...

- Кеша! Ладно, не переживай. Бывает. Перемелется - мука́ будет. Маша - она... Как бы тебе сказать... Ну, необычная, что ли... Она не совсем то, чем кажется... Я тебе

как-нибудь потом объясню. Кстати, работенка-то у меня есть, тут она права. Приходи ко мне, когда захочешь, будем делать красивые штуки. А там учиться рванешь!

- Но она говорила мне, что беременна! - горячечно зашептал Звездочет и в страхе покосился на молчащий телефон.

- А мне говорила, что она - твоя прабабушка и живет в прошлом веке! И что теперь? К психиатру ее вести?..

Это был аргумент. Маша, действительно, была все-таки очень странная девочка...

Родители Иннокентия, время от времени навещающие его в Пятигорске, заметили, что мальчик загрустил. К успешному окончанию школы и ко дню рождения они подарили сыну мотоцикл. Удивительный народ - эти родители! Их логику порой понять тяжело. Почему мотоцикл?..

Иннокентия, однако, подарок развлек. Он носился по городу и по прогулочным горным тропам, до полусмерти пугая чинных отдыхающих старушек в пальто и с палочками. Он даже ездил по дну оврага, как всадник.

С помощью замечательного подарка Звездочет убил время до приезда Маши и даже встретился с ней, как уже известно, почти спокойно. На мотоцикле Иннокентий проводил Машу к московскому ночному поезду и укатил до утра в горы. На мотоцикле он и сам попытался поехать в Москву сразу после известия о триумфальном, на все пятерки, поступлении Маши на философский факультет МГУ.

Уехав не слишком далеко, он угодил под задний мост грузовика и неделю провалялся в больнице с ушибами и содранной кожей.

Первой к нему пришла Маша. Феноменальная интуиция привела ее в аэропорт Домодедово, когда колеса мотоцикла еще весело крутились под грузовиком. Через два часа девушка была в Минводах, а еще через час - у постели изрядно ободранного, но не побежденного Звездочета. Мотоцикл же приказал долго жить...

- Маша, ты беременна или нет? - едва сумевши открыть рот, спросил Иннокентий.

- Какая глупость... - ответила Маша и положила на тумбочку красиво оформленную английскую книжку с картинками «В ожидании ребенка».

Картинки были разъясняющие и очень откровенные. Разглядывая их, Иннокентий всякий раз краснел. Свободное пространство страниц Маша разрисовала цветочками, что являлось признаком очень глубоких ее размышлений.

Результат этих размышлений понятен не был.

Когда Иннокентий выписался, Маша уехала в Москву. В декабре она досрочно сдала сессию, скатившись с пятерок на круглые тройки, после чего улетела на каникулы к матери.

Иннокентий с горя, с легкой руки Николая и со страху загреметь в армию поступил на технологический факультет какого-то ближайшего института искусств. После первого курса, накануне его дня рождения, как ни в чем не бывало на мосту ждала Маша. Подарила ему какие-то фантастические тюбики с красками, наполнителями, цветной твердеющей пеной и прочей ерундой, позволяющей красиво и быстро делать дизайнерские и театральные макеты. И еще сказала, что была у Ивашкиных и договорилась о самостоятельной постановке Иннокентия в качестве художника-сценографа. Тот совершенно не собирался становиться театральным художником, но с Машиными гениальными прозрениями спорить было бесполезно. Иннокентий, что называется, засучил рукава и занялся новым для него делом. То ли

потому, что он действительно был не без способностей, то ли потому, что не ведающим, что творят, счастье, то ли потому, что Маша очень этого хотела, постановка получилась на удивление удачной.

Это был первый спектакль, привлечший внимание города сам по себе, без профанирующих жанр цирковых трюков, скромный, но со вкусом. Режиссер-постановщик из Пермского ТЮЗа Карасев сработал профессионально и на совесть. Впервые за более чем сто десять лет, прошедших с достопамятного пожара и меркантильного выступления Аделины Патти, жители города вспомнили, что у них есть театр.

На банкете Николай похлопал Звездочета по плечу, назвал его Добужинским и своим учеником. Теплые, хотя и мудреные слова сказал режиссер из Перми, заявив, что после заката знаменитого течения «Мир искусств - 2» театр не знал столь впечатляющей гармонии внешних и внутренних выразительных средств. Маша, по совету которой Ивашкины пригласили Карасева, молча улыбалась в сторонке. Потом она подошла к новоявленному художнику, поцеловала и тихо поздравила его в ухо, а также шепнула, что боялась раньше об этом говорить, но сейчас неожиданно решилась, пусть Звездочет знает, что год назад в сентябре она сделала аборт.

Иннокентий почувствовал головокружение, шоки страшную ненависть. У него вдруг возникло непреодолимое желание прямо здесь, при свидетелях, не сходя с места ее убить. Улыбаясь углами губ, прелестная Маша бешеными глазами пригвоздила его к полу. Затем сказала беззвучно: «А ты говоришь - замуж...»

После этого она села в такси и уехала. Кинувшись спустя четверть часа ее искать, Иннокентий помахал самолету рукой. Через десять дней он узнал, что Маша, сдав на отлично экстерном экзамены за второй курс, исчезла в английских туманах. Как много лет назад, но уже с намного более весомыми основаниями, Звездочет был уверен, что они с Машей расстались навсегда. Он с трудом выровнял запущенный семестр, перевелся на заочный и поступил конструктором в какой-то НИИ в Пятигорске, дающий бронь от армии.

Как-то явился к нему Ивашкин. Рассказал, что оформленный Иннокентием спектакль занял второе место на смотре-фестивале областных театров. Иннокентий желчно поинтересовался, кто же занял первое. Оказалось, краснодарская музкомедия.

Развязный от застенчивости, Ивашкин предложил Иннокентию поставить еще один спектакль, уже с ним в качестве режиссера. Ответом был категорический отказ и визит к Машиному отцу с бутылкой коньяка.

Николай только что окончательно разработал свою новую технику живописной аппликации из полудрагоценных и поделочных камней, пробовал ее так и этак, заканчивал проект «Ателье»-аквариума, где вместо окон в стенах и потолке должны были красоваться полупрозрачные картины из стекла и камня.

Весь погруженный в работу и идеи, Николай коньяк взял, автоматически убрал бутылку в шкаф, протянул Иннокентию записную книжку и телефон. В бирмингемском доме Сильверов работал автоответчик. То ли Маши не было у них, то ли она не хотела общаться со Звездочетом.

А в Англии в этот вечер случился пожар. И не где-нибудь, а в королевской резиденции в Виндзоре. Произошло это точно по такому же сценарию, что некогда в

Пятигорске, с театром. Шаровая молния, неизвестно по каким причинам образовавшаяся в парке Виндзорского замка, всплыла невысоко над деревьями и пошла на дворец. Королевы и членов ее фамилии в резиденции не было, флагшток над башней замка был пуст. Молния, как живая, подлетела к башне, окружилась вокруг флагштока и по нисходящей прямой устремилась к спальным комнатам, расположенным над парадными апартаментами. Обнаружить неплотно задвинутую створку окна было делом одной секунды. В следующее мгновение в вихре электрических искр, брызжущего плазменного огня и высоковольтного гудения плескалось по пустой комнате пламя, рвалось в коридоры и из окон, грызло паркет, лизало потолок, подбиралось по фасаду к гордому гербу Ее Величества.

Марина, Маша и Джон видели все это своими глазами. Поехав по делам Джона в Лондон, на обратном пути они решили посетить Виндзор и попали на пожар. К счастью, замок не выгорел до земли. Но было нечто сверхъестественное в том, как яростно, дерзко и умело огонь справлялся с многочисленными противопожарными устройствами, сигнализациями, автоматическими пожаротушителями. Только полная мобилизация королевской пожарной службы и отчаянная смелость шотландской гвардии решили исход дела. Ценой нескольких человеческих жертв огонь был побежден. Маша своими глазами видела, как горящая балка устремилась вниз и отрезала дорогу к спасению одному из офицеров. Помочь ему никакие земные силы уже не могли.

Взрослая, очень бледная, алебастровая Маша смотрела широко открытыми темными-темными глазами на горящую балку, и в этих глазах не отражалось пламя. В них не было сиюминутного ощущения ситуации, сочувствия человеческому страданию, самой жизни, а горел внутри другой огонь.

В ту ночь, о которой думала Маша, летящая балка неожиданно разломилась, не долетев до земли, окатила двух замешкавшихся пожарных облаком искр, придавила шланг насоса. Брандмейстер успел бросить наконечник и отступил без вреда для себя.

И еще думала она о вечере, когда падал мост. Словно это было вчера, Маша отчетливо видела гнездо опоры, повисшее в пустоте, и второе, до вылета которого оставались считанные минуты. Этот мост должен был упасть. Погибнуть. Так было надо. Чтобы не ушедшее прошлое ушло.

И оно бы ушло. Все было бы кончено.

Но под мостом в тот момент находился ее отец.

Он не знал, что тонна дерева вот-вот рухнет. Когда опора не выдержала и это случилось, мост не упал. Долгую минуту он висел в воздухе, а потом Николай подвел под него шест и непонятным усилием развернул деревянное полотно перилами вверх. Много лет Маше казалось, что она видит этот сон, усталость от которого до сих пор свинцово разливалась по всему телу.

А сейчас она стояла и неподвижно, безучастно смотрела, как летит балка, опускается огненный занавес, и вот человек, отрезанный от мира этим занавесом, уже не кричит.

Она ясно и отчетливо видела прошлое. Еще более ясно и отчетливо вспыхнули картины настоящего и даже будущего, сокрытые расстоянием, толстыми стенами, темнотой и огнем.

Она знала, что человек уже задохнулся, и она его не спасла.

Она видела Виндзорский замок восстановленным, а себя, Иннокентия и еще двоих - гуляющими в парке. Она знала, что отец через много лет умрет от инфаркта, а Марина первая узнает об этом и кинется в аэропорт, оставив Джону записку: «Милый! Ты правда очень милый! Ты понимаешь меня правильно. Я не могу. Не могу без тебя. Я вернусь. Скоро. Обязательно. Жди...»

Это будет последняя записка Марины в таком роде.

Это будет последняя и окончательная разлука Маши с Иннокентием.

Вихрь стран, городов и удовольствий, который должен был прошуметь до тех времен, сплетался в единую мерцающую картину, из которой что-либо конкретное выделялось с трудом.

И звучал кларнетом в последний раз далекий мост, по которому ночью на двухколесной телеге тайно везли офицера в черкесском костюме, предательски, в спину убитого из-за створки окна, и еще одного - его убийцу - застрелившегося из второго дуэльного пистолета, а две лошади спокойно толкали телегу, так точно, как они мгновения назад везли живых, невредимых и счастливых всадников.

Один из этих всадников, совсем молодая женщина, сидела в комнате перед огарком свечи. Она с покорным оцепенением понимала, что обречена жить одна и очень долго. Слушая удаляющийся скрип колес и негромкий стук копыт, она думала о трех пожарах, которые случатся в ближайшие сто тридцать лет.

А топот копыт и скрип телеги подслушал рыжеватый смешной мальчишка, боявшийся окликнуть девочку. Этот выросший мальчишка прошел весь звездный путь, живя на одном месте и никуда не уезжая. Верность, постоянство и непосредственность сделали его случайным зрителем странного спектакля. Но персонажи вовлекли его в действие, и с неведомым ему риском он стал участником.

Она не могла этого допустить.

Она больше не могла бесконечно повторять историю. У нее не было сил идти на третий круг.

Пожар был побежден. За отодвинутой балкой не нашли никого. Все кончилось. Маше стало плохо. Не вскрикнув, она медленно опустилась на руки стоявшего за ней Джона Сильвера.

Болезнь и полное беспамятство длились месяц. Потом железная рука отпустила - без предупреждения и мгновенно, как и взяла.

- Я согласна, Звездочет... - услышал Иннокентий в трубке Машин голос, то ли от расстояния, то ли после болезни звучавший ниже обычного. - А ты?..

- Я... - поперхнулся Иннокентий и замолчал, размышляя.

- Тогда прилетай.

Иннокентий бросился в «Ателье» к своему другу Николаю, бывшему по совместительству Машиным отцом. Работы заканчивались. Уже были готовы, наклеены и вставлены вместо стекол оконные витражи. Люк в потолке, пока заколоченный, ожидал последнего шедевра, который лежал полусобраный на большом столе. Николай стоял отвернувшись от своего автопортрета и задумчиво смотрел на телефон.

- Я тебя поздравляю, - через плечо, не глядя, сказал он Иннокентию, продолжая гипнотизировать серый дисковый аппарат.

- Ты уже знаешь?

- Да... Звонила, только что... Но я боюсь... Передумает. Что у нее на уме - непонятно...

Эти же мысли беспокоили Иннокентия. Он рассчитывал получить у Николая их опровержение, но выходило как раз наоборот.

- Что же делать?

- Не знаю... Может, не ездить?

Зазвонил телефон.

- Вы правы. Я приеду сама.

Ее приезда Иннокентий и Николай ждали еще целый год. Потом ждать перестали. Бирмингем молчал, и чувствовалось, что там происходят события.

Так оно и было.

Дело в том, что Марина неожиданно для себя и для окружающих родила ребенка. Не то, чтобы это явилось уж совсем сюрпризом - но как-то не воспринималось всерьез, прежде всего ею самой. Марина на собственной машине носилась по стране, помогала Джону заниматься семейным бизнесом, объездила вместе с Машей все Соединенное Королевство от северной горной Шотландии до Южного Уэльса, и буквально месяцев до семи никто вообще не подозревал, что что-то грядет. Кроме, разумеется, Маши. Да что говорить, знаменитый Виндзорский пожар случился, когда срок у Марины подходил к восьми месяцам... Наблюдательный Джон Сильвер заподозрил неладное совсем незадолго до этого, не найдя на месте Марининой талии. Он посмотрел на жену с удивлением и ничего не сказал. А комната рядом с пиратской кают-компанией по волшебству превратилась в еще одну детскую. Ребенок явился приятной неожиданностью для всех, в том числе и для самой мамы.

Джон настаивал, чтобы дочь носила то же имя, что и его жена. Маша поддержала «дядю Ваню», как она ласково и по-русски называла Марининого супруга. Вообще, надо сказать, эти двое были не-разлей-вода и известные заговорщики. В итоге они Марину уговорили. Взамен Марина вытребовала, чтобы девочку крестили по православному обычаю и в православном храме. У полукальвиниста, полукатеиста Джона возражений не возникло.

Маленькая церковь, приютившаяся на окраине Бирмингема, выглядела вкусной, как пряник, сияла золотыми крестами и синевой куполов. Священник-серб отец Иоанн, не слишком хорошо говоривший по-русски и по-английски, с величайшим рвением исполнил обряд крещения. Девочка долго молчала, удивленная необычной обстановкой, смотрела во все глаза на огоньки свечей и на тусклое серебро купели. Потом, наконец, сориентировалась, окропила сверху донизу парадные доспехи отца Иоанна и устроила концерт. Во время наибольшего «форте» отец Иоанн, спросив, как зовут рабу Божию, вместо «Марина» услышал более понятное ему «Мария».

Обнаружилось это уже дома, когда Маша-старшая с улыбкой протянула счастливым родителям свидетельство о крещении. Джон было раскричался насчет удивительного славянского разгильдяйства, но надолго его отрицательной эмоции не хватило. К тому же из разных углов комнаты на него смотрели три пары смеющихся славянских глаз.

Так и получилось, что у Марины обе дочери оказались Машами.

По этому поводу на лужайке за домом Сильверов был устроен фейерверк. Ракеты красиво взлетали с зеленой травки, отражались в черной воде каналов, а с

пришвартованных к пристаням барж-квартир раздавались ответные залпы петард и шутих.

Праздник удался на славу. Все чувствовали себя отменно.

Маша-старшая, разумеется, не захотела пропустить столь интересные события и их продолжение. Она забросила Университет, Иннокентия, всех остальных и задержалась в Англии.

Никакого сомнения в том, что Маша передумала, у Иннокентия не было. Однажды вечером, в мае, он стоял у окна своей комнаты и вспоминал яркую комету-звезду с двумя хвостами. В эти дни исполнялось двенадцать лет его самой первой встрече с Машей на мосту. Первые годы он не вел счет ушедшему времени, но потом стал считать месяцы, недели, дни, и время тянулось все дольше и дольше... Ничего не добившись в жизни, никем не став, отказавшись делать какую бы то ни было карьеру, Иннокентий по сути остался Звездочетом, и это давало ему возможность заниматься какой-то работой, вечером сидеть в «Ателье» либо дома у Николая, а ночью у открытого окна вспоминать стихи.

Имея много свободного времени, Иннокентий последовал совету Маши и занялся библиотекой. Конечно, прочитать и знать столько, сколько читала и знала Маша, было невозможно. Ее феномен оставался совершенною тайной, как, впрочем, и любой феномен.

Во всяком случае, стихи про Марию-звезду и Звездочета Иннокентий в пьесах Блока обнаружил. Они отчасти объяснили ему Машино поведение. Если Маша играла в «Незнакомку», то понятны становились ее любимые недомолвки и излишняя поэтическая романтика, постоянные исчезновения в воздухе над Россией, Европой, островами и мгновенные спонтанные возникновения из ниоткуда.

Как истинная хозяйка своего слова, Маша давала и брала его назад по своему усмотрению. И вообще, странно было бы ожидать чего-либо иного от существа из эфира.

Думая так, Иннокентий был почти спокоен и если печален, то философски... Его правоту подтверждало почти все. Но если бы он знал, насколько, будучи правым в принципе, он ошибается относительно себя!

Мост уже давно звучал. Сегодня в звуке не было таинственного звездного света либо эха гулкой тишины. Это был зловещий, ледяной мотив самых нижних басовых регистров. Иннокентий впервые почувствовал, что не спит. Все, что происходило сейчас, было явственно, очевидно, в мыслях и осязании, в ночной тьме сегодняшнего вечера. Звездочет вышел из дому, потому что на мосту, как некогда, стояла Маша. Чудесные светлые косы, которые не узнать было невозможно, освещали мост, а ее объятия были жаркие, страстные, испепеляющие все помехи - темноту и опасность, черкесскую одежду, колет, кинжалы, пистолеты за поясом.

В этих объятиях был другой. Иннокентия она так не обнимала никогда. Видя это, он пошел, а затем и побежал к своей Маше, которая не была его - ни сейчас, ни в прошлом, ни в будущем - никогда...

Он бежал и видел, как распалось кольцо объятий, как стремительно, подобрав что-то с земли, исчезла в доме девушка, как растворился во тьме мужчина в горском костюме, и все пропало.

Оставшись на мосту один, посреди лунного сияния, тишины и нестерпимого монотонного гудения, Иннокентий в растерянности застыл над широким оврагом. Он не знал, что с ним. Где он. Кто он. И что дальше.

Один за другим прогремели два выстрела. Пуля, вошедшая в спину между ребрами, беспрепятственно вылетела из груди. Рубашка мгновенно пропиталась кровью, черной в лунном свете. Послышался звук падающего с балкона тела. Иннокентий, держась руками за грудь, обернулся, и там, за балконом, в темноте, отчетливо увиделась ему белая Машина фигура.

Он упал. И умер. Но это уже был не Звездочет. Не Иннокентий.

Иннокентий лежал в овраге под мостом, погруженный в счастливые грезы предрассветного сна, и слышал сквозь забытие, как над ним шли лошади и ехал экипаж. Он проснулся утром от прохладного ветерка. Немного полежал еще, вспоминая сон... Или не сон? Настолько живо и ярко помнилось все ночное, что даже рука казалась влажной от крови... Но нет. Рука была сухой. Мост, нависая сверху, выглядел не таким широким, как ночью. Звездочет встал, поднялся по склону оврага на сторону Машиного дома и посмотрел под сосны. На мгновение ему показалось, что он видит след лошадиной подковы на мягкой земле под деревом. Подойдя ближе, он понял, что это отпечаток туристского ботинка сорок последнего размера. Балконная дверь Машиной комнаты отворилась, на улицу выглянула Ангелина Константиновна. Она сощурилась, разглядывая фигуру на мосту, узнала, приветливо помахала рукой и сделала знак зайти. Иннокентий прошел через черный ход, как он всегда делал, навещая Николая. Бабушка Геля протянула ему фотографию полугодовалого младенца женского пола, сидящего на руках у Маши и весело глядящего в объектив. Иннокентию показалось, что сходство с Машей поразительное. Не зная, как реагировать, традиционно не понимая, что бы это значило, Иннокентий сел на тумбочку у двери черного хода и сжал голову руками. Тихая и спокойная жизнь печального философа вновь становилась бурной, полной волнений и подводных камней...

Но ребенок не мог быть его, Иннокентия, дочерью. То было почти пять лет назад...

- Это Машина сестра, - пояснила Ангелина Константиновна, - Дочь Марины и Джона. Правда, милая? И посмотри, как они похожи...

Звездочет испытал двойное, очень сильное чувство. Значит, Маша не вышла там замуж... Значит, еще, может быть...

- И знаешь, что самое смешное? - продолжала бабушка, - Не поверишь! Назвали по ошибке тоже Машей! Две сестры - и две Маши! Так бывает?

- С Машами - бывает. - улыбнулся, наконец, Звездочет, и, примешанные к горечи, что Маша-маленькая не его дочь, родились в нем громадное облегчение, радость, кипучая жажда деятельности и - надежда.

Он сегодня же позвонит в Англию. Он позовет ее и все скажет. Он будет работать, он еще увидит небо в алмазах... В эйфории Иннокентий начал думать цитатами. Это заметила Маша.

- Привет, Антон Палыч! Как дела? - раздалось в принесенной бабушкой Гелей трубке. - Тебе привет от Марии Джоновны. И еще от одной дамы. Она неплохо к тебе относится. И от отца Джона. И от мамы Марины. Про себя я и не говорю...

- Ты же передала привет от себя! - весело ответил Иннокентий. Ему стало вдруг легко и хорошо. Как будто что-то плохое прошло. Умерло. Закончилось навсегда.

- Да-да, передала, разумеется... Что ты хочешь спросить?

- Три вещи.

- Первая: прилетаю завтра. Встречай в три в Минводах. Попала?

- Маша...

- Вторая: нет. Не передумала. И согласна. Но надо еще ждать.

- Маша?..

- Кеша, я сама...

- Маша, кто ты такая?..

- Третья... Третью - не знаю. Спрашивай.

- Я уже спросил. Только что.

- Ты не это хотел спросить. Но я отвечу: не скажу. Это знает мой отец... Думает, что знает... Наивный.

- Маша, я тебя жду!

- Не спросишь?

- Потом...

Ангелина Константиновна, улыбаясь, слушала этот странный полуразговор, полуритуал. Она-то все понимала - по-своему, бабушкиному. «Дело молодое, счастливое», - думала она, отходя телефон, когда Иннокентий отдал ей трубку.

И ничего-то она не понимала.

Прошло еще три года, прежде чем Маша вновь вернулась к этому разговору. Но то были лучшие годы их жизни. Они объехали всю Европу. Они гуляли в Виндзорском парке около отреставрированного замка, с ними были Машина сестра, ее отец и Капитан Флинт. Они ездили в Москву и в Америку. Иннокентий между делом закончил свой институт, а Маша получила университетский диплом, вместо учебной работы представив диссертацию, приближающуюся к докторской. На английском языке, на уровне Оксфорда. Диссертацию потом кандидаты наук растащили на докторские темы...

Единственное, где они не были – это в доме Сильверов в Бирмингеме. Упрямство Маши, не желающей даже говорить на эту тему, объяснить было невозможно. Но выдрессированный годами, ручной Иннокентий объяснять и не пытался.

Николай довел до полного совершенства свое «Ателье». Оно состояло из маленького выставочного зала, квартирки, мастерских и обсерватории. Одна из стен зала представляла собой громадный аквариум. Бесконечная перламутровая перспектива его заднего стекла расширяла скромное, по сути, помещение. А в совокупности с цветными витражами, на которых Николай изобразил сюжеты, виды, жанровые сцены, многофигурные композиции и свой автопортрет, весь зал имел вид небольшого сказочного царства.

В Пятигорск приехала погостить Марина с Машей-маленькой. Идея визита принадлежала Маше-большой. В «Ателье» было устроено торжественное мероприятие с роскошным столом, оплаченным Джоном Сильвером, концертом, режиссированным братьями Ивашкиными, отличными выдержанными винами и вновь несостоявшимся объяснением Маши и Иннокентия.

Ироничная Марина раскритиковала эстетические и философские принципы Николая, поместившего себя в образ Дюрера. «Надо быть проще» - вот лейтмотив и самое безобидное из критических замечаний, которые множились по мере отдания дани отличным выдержанным винам. Но в остальном она его хвалила. И тоже - по нарастающей. Честно говоря, непонятно было, почему она прицепилась именно к Дюреру. Николай принимал хвалу и клевету равнодушно, не оспаривал мнение веселой, меткой и остроумной Марины. Потягивая коньяк и посматривая на потолок, он чувствовал, что вот-вот откроется третий глаз...

- Скажи, почему ты так много времени живешь с матерью? - спросил, наконец, Иннокентий Машу.

- А тебя это очень интересует?

- Да.

- Что тебя еще интересует?

- Маша... Что это было - тогда? Это была ты? Почему там оказался я? Почему мы всю жизнь с тобой рядом? Почему мы всегда в разлуке? Почему ты каждый раз возвращаешься ко мне? Почему ты неуклонно бросаешь меня? Откуда ты знаешь мои мысли? Почему и сколько я должен ждать? Маша, кто ты такая? Вот что меня интересует. И еще кое-что...

- Уф, Кешечка, слишком много вопросов... Даже голова заболела...

- Маша...

- Да, Кеша?

- Ты опять не отвечаешь. Сколько это будет продолжаться?

Маша посмотрела на него долгим, серьезным взглядом. Скрывая вползающую в душу жалость, она сказала тоном, которому постаралась придать твердость и спокойствие:

- Всегда. Продолжаться, Кеша, это будет всегда... - она ненадолго замолчала, обдумывая что-то. Встала, странно сутулясь и как-то внезапно постарев, прошла по «Ателье», вернулась...

- Если ты захочешь. - закончила она.

Эта фраза, из числа Машиных загадок, в который раз напрочь перечеркивала их отношения. Потому что Иннокентий немедленно отреагировал на ее слова, спросил, что должен был, на что толкала его Машина мысль:

- А если нет?.. - и тут же пожалел об этом.

Маша выпрямилась, потянулась, как кошка, повернулась к нему и взяла его за руку:

- Кеша... Я уезжаю. С Машей и мамой. Вот билет. Смотри...

Маша должна была остаться с ним. Наличие билета, оказавшегося как нельзя более кстати в свете их разговора, которого могло и не быть, явилось очередным проявлением ее гениальной прозорливости.

- Скажи, Звездочет, теперь ты все спросил? - Маша откинулась на спинку стула, сложила по-балетному руки и улыбнулась, отчего вновь стала юной, далекой и холодной.

- Нет... Осталось одно...

- Я слушаю!

- Почему хорошо, что я - не Григорий?

- А ты упорный... Сколько лет прошло!..

- Восемнадцать. Маша!

- Что?

- Почему хорошо, что я - не Григорий?

- Господи... Потому что Григорий - умер. Его убили. Давно. А ты - жив. Вместо него. И это очень хорошо... А Лермонтов тут совершенно ни при чем. Ты хоть что-нибудь понял?

- Нет.

- Ну вот... А больше я тебе все равно не скажу ни-че-го... Прощай, Звездочет.

Маша поиграла на свет бриллиантовым перстнем, подаренным Джоном Сильвером, чмокнула Иннокентия в щеку, что-то шепнула Марине, вышла из «Ателье» на улицу и исчезла.

Вечер заканчивался столь же весело, как и начался. Иннокентий ушел домой раньше. Их разговора и последующего отсутствия никто не заметил.

На следующий день Николай и его друг Звездочет в молчании и редких разговорах выпили последнюю бутылку коллекционного армянского коньяка, оставшуюся от праздничного ужина.

Николай, наконец, сообщил Иннокентию об удивительном открытии, сделанном им при выборе сюжетов для витражей в окнах «Ателье».

Невероятное сходство Марии Николаевны и Марии Степановны искажало реальное ощущение мира, умаляло жизненный опыт, подвешивало над пропастью прошлое и надежды, заставляло задать вопрос - а в чем смысл?..

В отсутствие ответа Николай назвал дочь ведьмой и размолотил мраморным подсвечником свой автопортрет.

Под влиянием коньяка, открытия, событий последних лет и всей жизни в голову лезли всякие глупости о реинкарнации, бредовые мысли, что Маши как таковой нет, либо она живет в каких-то двух и более временах, либо ей сто пятьдесят лет... Словно мистический мир ненаучной фантастики и средневековой метафизики смеха ради сошел с цветных витражей и внес смуту в реальную, простую и неувидительную жизнь.

Иннокентий понял, что имел в виду Николай под «третьим глазом» и почему, придя в соответствующее расположение духа, он начинал крушить все вокруг, расшатывать созданную им же систему мироощущений.

Иннокентию самому захотелось кричать звездам, смотрящим сквозь разбитый витраж, что они не правы; что никаких жизненных сил не хватит для осознания факта, что все напрасно; что выхода нет, что любовь не спасает от вечности, что они с Машей никогда не будут жить вместе и не умрут вместе, как по молодости мечтают все влюбленные.

Любил ли он Машу?

Да, он любил ее. Любовь не была бурной и страстной, она скорее медленно и упрямо тлела, нежели освещала и обжигала все вокруг жарким пламенем. Наверное, благодаря этому она прошла через годы, не только сохранившись, но окрепнув и перейдя во взрослые отношения без травм и разрушений.

Мог ли он жить без нее?

Да, мог, потому что научился. Мало того, кажется, ему спокойнее было без нее, кометы в небе, звезды, сошедшей на землю со страниц поэтической пьесы, прекрасной и холодной, умеющей любить звездным чувством, которое не вынуждено торопиться, имея вечность по обе стороны настоящего.

Боялся ли он потерять Машу?

Да, боялся, больше всего на свете... Но, привыкнув терять ее - всякий раз навсегда, - он стал опасаться иного. Ему было страшно ее опять неожиданно найти. Встреча неминуемо вела к новой потере. Только что обретя Машу, в напряжении, что она вот-вот исчезнет, он с первых минут начинал с нею мысленно прощаться...

В этих противоречиях, как в драгоценной клетке из сверкающих, острых, как бритва, хрустальных лезвий, он жил долгие годы и не трепыхался, потому что отточенные временем грани и острия ранили без предупреждения и слишком сильно, в один миг разрушая накопленную бездействием привычку смотреть на мир философски. Находясь в этой клетке, Иннокентий иногда совсем переставал ощущать себя. Будто его и не было на самом деле. Будто в его жизни имелась лишь одна реальность - собственно клетка. Которая в какой-то момент становилась им самим. Разрушив клетку, он убивал себя. А ему хотелось жить.

Интуиция подсказывала ему, что еще произойдет какое-то чудо.

Наступит событие.

И смысл его прояснит все остальное.

И он ждал, ждал, смотрел ночами в звездное небо, в очередной раз возвращался на круги своя и вновь ждал.

Протекли два месяца после отъезда Маши с сестрой и матерью в Англию. Жизнь опять затормозилась, напомнила сон. В этом сне проходили дни, ослабевало ощущение скорых перемен, ожидание вновь становилось самоцелью.

Однажды вечером Иннокентий по многолетней укоренившейся привычке шел в «Ателье». Он открыл дверь собственным ключом, отряхнул в прихожей мокрый снег, налипший на ботинки, и вошел в зал. Николай сидел в своем любимом кресле под световым окном, заколоченным фанерой, и смотрел в аквариум. Рыбы в полном составе, все несколько сот штук, рядами расположились вдоль стекла, тарасили глаза на Николая и не дышали.

Николай тоже не дышал. Руки его, покоившиеся на подлокотниках, были бесчувственно неподвижны и лишены скрытой энергии возможного действия. Столь же окончательно неподвижна была и вся его фигура...

На похороны прилетела Марина. Оплатив расходы, красиво, строго и мудро все организовав, она сумела утешить даже резко сдавшую Ангелину Константиновну и уговорила ее отправиться с нею в Бирмингем.

Звездочет остался один. Днем он работал, потом приходил в «Ателье», где реставрировал разбитый витраж, к ночи возвращался домой.

В тот вечер, когда картина была восстановлена, он остался ночевать в «Ателье». Ему приснился сон.

Маша сидела верхом на злой-презлой собаке и угощала ее конфетой. Маша кидала кусочки конфеты, а собака, деланно ощетилившись зубастой пастью, рычала и на лету ловила угощение. Потом оказалось, что кидает Маша зажженные спички, а собака уже и не собака, а копна сена – сухая и страшная в своей готовности вспыхнуть.

Начался пожар. Иннокентий оказался около дома, на мосту горело, а в самом центре огня была Маша. «Красивая девушка Коломбина!..» - слышался Иннокентию многоголосный мотив непонятного хора. И действительно, Маша была и Маша, и кто-то другой, а струи огня превратили ее развевающиеся волосы в два хвоста - голубой и розовый. Холодное пламя развевало косы-хвосты, и она была прекрасна - Маша-Незнакомка, Маша-Коломбина, Маша-Комета... Маша-Мария, единственная из всех знавшая, в чем смысл, и молчавшая о том, потому что он, смысл, оказывался нерадостен и неутешителен.

Мария звала к себе Иннокентия, он бежал к ней, вдыхая горячее пламя, впитывая льющийся по телу веселый звон...

Проснувшись среди ночи, Иннокентий снял с заливающегося серого аппарата трубку и услышал Машин голос.

- Ты уже знаешь, что делать. Мы обязательно встретимся. И это, наконец, буду та самая я, которую ты любишь. Прощай, дорогой мой. Отныне ты свободен... Мы свободны. Навсегда.

Иннокентий пошел на мост, развел на нем большой костер, а потом стоял и смотрел на звезды, ощущая, как пламя становится жарче и злее.

Он знал, что делать...

Наконец, занялось по крупному. Огонь сожрал тонкий решетчатый чугунный настил, прогрыз влажные жерди и величественно раскинулся под мостом в овраге, среди толстых балок и сухих бревен. Отступить уже было поздно. Звездочет понял это, когда пламя лизнуло его справа. На него напала какая-то апатия, он не чувствовал боли, он надеялся, что вот таким образом уже очень скоро они с Машей встретятся.

Он стоял и ждал, что сейчас он узнает ответ на все заданные им вопросы. Он знал – ответ есть. И настает время, наконец, понять, в чем смысл странного переплетения их столь непохожих и, в общем-то, несчастливых судеб.

Мост горел, раздавалось мощное органное гудение. Это уже не было музыкальным, лирическим, таинственным звуком. Это был свирепый, яростный рев хорошо раздуваемого пламени. Сквозь его языки Иннокентий видел, как бегут пожарные, разматывают шланги, готовят крюки и лестницы. К мосту стекался народ. Его становилось все больше и больше...

Толпа волновалась, показывала руками на Иннокентия, но вдруг расступилась и подалась назад. А из ее середины вышла хорошенькая тринадцатилетняя девочка - светленькая, в шляпке и длинном красивом пальто, с маленьким неоновым букетом в руке. На другую руку девочки опиралась старая-престарая бабушка Геля. Она подслеповато смотрела на огонь и закрывалась от пламени ладонью.

Девочка улыбнулась огню, и от этой улыбки сходство стало совершенно невыносимым.

- Маша... - прошептал Звездочет.

И вдруг в один миг он передумал, вдруг кинулся из огня, наступая на пылающие балки. Бревна обваливались за ним в овраг, мост переставал существовать от этого бега прямо на глазах возрастающей толпы. Он бежал отчаянно, вновь захотев жить, поверив в невозможное чудо, – и прорвался.

Уже горя весь, он повалился в снег. Пожарные направили на него струю, пламя нехотя отпустило жертву, зашипело, погасло.

- Маша... - сказал он девочке, стоящей и улыбающейся от него всего в двух шагах. Она засияла глазами, нимало не испугавшись ревущего все сильнее пламени, протянула ему тоненькую прозрачную руку и сказала:

- Меня зовут Аля, папочка...

В черном межзвездном пространстве летела комета.

Это была та самая двуххвостая красавица, что много лет назад единственной ночью возникла в небе планеты Земля и осенила его странной, загадочной улыбкой.

Теперь она летела дальше.

Царствующий во Вселенной космический холод сорвал хвосты, рассеял их метеоритной пылью, заморозил то недолговечное и прекрасное, что могло остаться в памяти видевших ее. И ныне она была всего лишь большой глыбой холодного мрака, состоящей из тишины и обломков далеких планет.

Ледяное сердце кометы не билось. Она удалялась от Солнца в дальние пустоты Вселенной, где на расстоянии миллионов световых лет не было ни рая, ни ада, ни жизни, ни смерти, ни планеты, ни звезды.

Продолжаться так должно было - всегда.

Но два человека на Земле помнили о ней.

Всю жизнь.

И им было хорошо.